

Елизавета
Дворецкая

СЛЕД ЧЕРНОГО ВОЛКА

КОЛОДЦКАЯ
РУКЪ

Лес на Той Стороне

Елизавета Дворецкая

След черного волка

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

След черного волка / Е. А. Дворецкая — «Эксмо», 2016 — (Лес на Той Стороне)

ISBN 978-5-699-93795-0

Дохристианская Русь...Зловредный дух завладел князем Вершиной. Чтобы изгнать духа, княжий сын Лютомер должен воспользоваться силою волшебного кольца Темнозора. У сестры Лютомера, колдуньи Лютавы, тоже не все ладно. Ее дух-покровитель, волк Нави Радомир, желает вновь родиться в мире живых, и для этого Лютава должна выйти замуж за того, на кого он укажет. Княжьих детей вновь ждут опасные приключения...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93795-0

© Дворецкая Е. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Низовье Рессы, месяц просинец	10
Глава 2	23
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Елизавета Дворецкая

След черного волка

© Дворецкая Е., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Верховья Десны, Бранемеров век

На следующий день после солоновороты Добровед пришел в подземное обиталище богини Лады поздно. Народ едва утомился и наконец разошелся спать после шумного разгула, на дворе уже рассвело, но здесь, в избе, опущенной в землю на три локтя, было совсем темно. Волхва еще пошатывало после утомительной ночи, обрядов, игрищ и пира, поспать удалось совсем немного, голова болела от медовухи. По лестнице он спускался, придерживаясь за стену и осторожно на шаривая ногой каждую ступеньку. Но в эту избу он приходил каждое зимнее утро уже лет двадцать и в освещении не нуждался. На ощупь пробравшись к печке, Добровед свалил охапку поленьев, принесенную за спиной, нашел в золе тлеющие угольки, запалил две лучины, вставил в светец. Оглянулся.

Угрянская княжна Лютава, в эту зиму разделявшая заточение богини Лады, спала на своей лежанке. Обычно она просыпалась при появлении волхва, но сегодня даже не пошевелилась.

Волхв подошел поближе. Даже с похмелья он чувствовал: с девушкой что-то не так. Священная пленница лежала на спине, вытянув одну руку вдоль тела, а вторую положив на грудь. И на этой руке что-то мерцало, будто уголек. Поначалу Добровед испугался, что и правда уголь вылетел из печи, и поспешно наклонился.

Это оказалось кольцо – по виду бронзовое, отлитое таким образом, что выглядело сплетенным из тонких корней. И оно испускало мягкий дымчатый свет, будто солнце, глубоко запрятанное в зимнюю тучу. Ничего подобного Добровед раньше не видел и замер в растерянности. И чем дольше он смотрел на девушку, тем более призрачной ему казалась она сама, как будто перед ним лежало лишь отражение в воде, а не человек.

Пересилив себя, Добровед осторожно прикоснулся к ее руке. Точнее, пытался прикоснуться. Его пальцы насквозь прошли через тело спящей, не встречая сопротивления, и уткнулись в медвежью шкуру, которой была покрыта лежанка. Потрясенный волхв отдернул руку, будто обжегся. Огляделся, пощупал самого себя, пощупал лавку – все было как обычно. И только она, Лютава-Лада, стала чем-то иным: блазнем, призраком.

Ничего подобного Добровед не видел за все двадцать лет и даже не слышал ни о чем подобном. От отца – тоже волхва и младшего брата прежнего дешнянского князя Божемога – он знал, что иной раз девушки, помещенные в Велесово подземелье, обнаруживались мертвыми: призванные богами, не могли выбраться духом обратно в белый свет. Это случалось очень редко, даже дед Доброведа видел такое лишь один раз, а уж он повидал десятки этих девушек. Но никто из волхвов Ладиной горы не сталкивался с таким, чтобы девушка-Лада была и здесь, и где-то совсем в другом месте одновременно. Ушла в Навь, оставив в Яви лишь свой облик. И это мерцающее, будто солнце полуночи, кольцо, которого Добровед еще вчера у нее не видел... Солоноворот-Корочун! Этой священной ночью княжна Лютава пережила нечто такое, о чем не знают даже волхвы. Или не пережила...

По привычке тщательно растопив печь, Добровед еще раз оглянулся на лежащую и тихонько вышел. Его брату Яроведу, старшему из дешнянских волхвов, нужно было это увидеть. А всем остальным, пожалуй, пока незачем знать...

Средняя Угра, Вершиславов век, месяц просинец

Спускалась зимняя ночь, все затихло в Ратиславле, и только в избе хвалиски Замили, младшей жены князя Вершины, за плотно задвинутыми заволоками не гасили лучин. Спать

хозяйка не собиралась: сидела на увязанной укладке, рядом лежала ее лисья шуба и большой платок из белой шерсти. Прежде богато убранная, сейчас изба выглядела почти голой: хорошая посуда, шелковые занавеси и покрывала, литые светильники исчезли с глаз. Зато посреди пола громоздились три укладки и пяток мешков. Дочь Замили, Амира, – невысокая смуглая девушка, широколицая и не слишком красивая, – устроилась возле двери, прислушиваясь к звукам снаружи и тоже держа кожух наготове. Челядь младшей князевой жены – баба Новица и отрок Найден – сидели по лавкам, оба с таким видом, будто собрались в дорогу.

Вот Замиля встала, огляделась, подошла к простой холщовой занавеске, сменившей прежнюю, из хвалисского шелка с цветами и птицами, и отодвинула край. Князь Вершина спал на лежанке, которую Замиля делила с ним предыдущие двадцать лет. Лица его она почти не видела в густой полутьме, но слышала, как он быстро беспокойно дышит, как ворочается, постанывает. Видеть его она и не хотела: теперь у него почти постоянно было очень странное выражение лица. Совершенно нечеловеческое: тупое, бессмысленное и в то же время как-то по-нехорошему целеустремленное. Та тварь, которая поселилась в его душе, знала свое дело и потихоньку поедала новую жертву изнутри.

Замиля плохо представляла себе эту тварь, но решительно не желала узнать поближе. Раньше она целиком полагалась на Галицу, которая обещала, что подчинит Вершину воле жены. Но бывшая челядинка давно не подавала о себе вестей, и Замиля день ото дня тревожилась все больше. Муж, которого чародейка обещала сделать послушным, почти перестал узнавать Замилю – как и прочих родичей. С тех пор как прямо за обильным столом Корочуна с ним приключился припадок, он так и не пришел в себя. Князь был довольно крепок телом, но разум, казалось, покинул его. Вершина ни на что не жаловался и вообще едва говорил: просил есть, да и только. Зато просил очень часто и ел много. При виде еды его глаза, обычно равнодушные, радостно вспыхивали, и он набрасывался на хлеб и мясо с такой жадностью, будто месяц голодал. Сметал все подряд – что ни дай. Родичи боялись к нему подходить, не шутя опасаясь, что он и их тоже однажды сожрет.

От соседей недуг Вершины скрывали, но ясно было, что так продолжаться не может. Старшие родичи что ни день собирались в избе Богорада, толковали на все лады. Можно ли исцелить князя? Кому его заменить – на срок или навсегда? Пора в гощенье идти – кому? В прежние годы Вершина иной раз сам ходил в гощенье, иной раз посылал Лютомера, как старшего сына и наследника. В этом качестве его знали все старейшины в подчиненных Угре волостях. Но где он теперь, Лютомер? Придумали послать людей за ним на Десну, но скоро ждать его назад не приходилось.

Бабы тоже собирались каждый вечер в беседе, но не столько пряли, сколько совещались все о том же. Замиля не ходила туда: в последние полгода отчуждение между ней и прочими Ратиславичами заметно выросло. Она давно сбежала бы, чтобы не ночевать в одной избе с помешанным, но никто не изъявлял готовности ее приютить. Благо было уже то, что ей вообще позволили оставаться в живых. Наутро после Корочуна Богорад и Толига едва вырвали ее из рук разъяренных баб: те вопили, что хвалиска сглазила князя. Но подкрепить обвинение было нечем: никто не видел, чтобы Замиля творила ворожбу, у Вершины не нашли никаких наузов или корешков, которые могли быть наговорены на зло. Больше ее не трогали. За это Замиле следовало бы благодарить Темяну, но, приказав бабам оставить хвалиску в покое, Вершинина старая мать руководствовалась вовсе не добротой. «Не от Замильки порча пришла, – сказала Темяна на собрании старейшин. – Убить ее – горю не поможет. Сама она со своей заморочкой эту кашу заварила – пусть сама и сидит с ним. Если опять начнет... – она тяжело вздохнула, – на людей кидаться... вот и узнаем. Не своих же к нему посылать!»

Закончились Велесовы дни, потянулся месяц просинец. Замиля и ее дочь постоянно дрожали за свою жизнь. Князь, который двадцать лет любил Замилю и оберегал от неприязни родичей, больше не мог ее защитить и сам внушал ужас, будто дикий зверь. От Хвалиса не

было вестей уже полгода, и Замиля, лишившись мужа и сына, чувствовала, что жизнь ее не крепче яичка лесной птицы.

Вот Амира вскочила и замахала матери рукой: кто-то идет. Замиля метнулась к двери, остановилась на полпути. Двое челядинов тоже встали.

В дверь легонько постучали. Амира выскочила наружу: заранее смазанная дверь не скрипнула. Почти сразу же девушка вернулась и подала знак: пора.

Тихая изба пришла в движение: хозяйка схватила шубу и платок, челядины – укладки и мешки. Вдвоем поволокли наружу. Замиля торопливо одевалась. Когда вся поклажа была вынесена, она тоже вышла к саням. Невысокая ростом и дородная телом, в теплой одежде и пышной шубе, крытой синей шерстью, она напоминала нарядно одетый стог. Под белой тканью платка резко выделялись густые черные брови и лихорадочно блестели большие темные глаза.

Возле саней стояли Толига и все трое его сыновей. Он один знал, куда увез летом Хвалиса, и теперь собирался переправить туда и его мать.

– Эти бабы разорвут и меня, и мою дочь! – твердила ему Замиля, понимая, что он единственный из Ратиславичей немного ее жалеет. – Они считают, что это я виновата! А я не умею творить заклятий! Если бы умела, я... Как мне быть? Мой муж болен, мой сын далеко! Я погибла, погибла!

Но не только разгневанных ратиславльских баб она боялась. Ночью она едва решалась сомкнуть глаза. С тех пор как Вершина захворал, Замиля не спала с ним, а перебралась на лавку, но во сне и наяву ей мерещилось, как муж встает и с тем же пустым взором бредет к ней через темную избу, чтобы вцепиться зубами в горло... Она отгоняла мысли о том, что и правда виновата в его нынешнем состоянии. Разве она хотела этого ужаса? Она хотела всего лишь счастья своему сыну, который имеет точно такое же право на наследство отца, как эти... оборотни, дети Велезоры. Откуда ей знать, чего там накудесила эта подлюка Галица! Накудесила, а сама сбежала, змеища, и горя ей мало!

Целыми днями Замиля ломала не привыкшую думать голову: как обезопасить себя? И не могла придумать другого способа, кроме как убраться подальше от Вершины, отыскать Хвалиса и возложить на него обязанность заботиться о матери. Ведь все это было затеяно ради него!

Когда все вышли из Замилиной избы, Толига, горестно вздохнув, взял из поленицы полено покрупнее и прочно подпер дверь. Вершина оставался там один, и, пусть из Замили сторож не слишком надежный, все же страшно было оставить больного до утра совсем без присмотра. Завтра, когда бегство обнаружится, Богоня приищет ему новых нянек, а пока у Толиги будет спокойнее на сердце, если хворый князь не сможет выбраться. Жилье и так было все увешано пучками сухой полыни и дедовника, окружено полосой наговоренного Темяной угля, черневшего на снегу и подновляемого после каждого снегопада.

«До чего докатились! – мысленно восклицал Толига. – От собственного князя уберегаемся, будто от упыря лихого!»

И невольно вспомнил Лютомера. Если кто и сумеет вернуть князя Вершину в разум, то разве что его старший сын-оборотень...

Все было обговорено заранее, а к тому же Замиля обмирала от ужаса, что кто-то заметит ее бегство, поднимет переполох и все рухнет: ее водворят назад в избу с мужем-упырем и запрут там до самой смерти. Поэтому, трепеща как лист, она удержалась и не произнесла ни единого слова. Толига махнул рукой, его сыновья взяли под уздцы запряженных в сани лошадей, и маленький обоз тронулся прочь из городца. Скрипел снег под полозьями, позвякивала упряжь. И больше ничего – ни прощальных криков, ни пожеланий удачной дороги...

Отойдя шагов на двадцать, Замиля обернулась. Располневшая с возрастом, истомленная волнением, она уже устала и с нетерпением ждала, когда можно будет сесть в сани.

Окруженная защитными чарами, изба, в которой она прожила двадцать лет и родила пятерых детей, выглядела жутко – будто островок Нави среди мира живых. Даже тишина ее казалась угрожающей: будто некое зло приглядывается, выбирая удобный миг для нападения.

И Замиля внезапно поймала себя на желании увидеть, как пламя вдруг взорвется над кровлей избы и мигом охватит ее всю, уничтожая ту жуть, что затаилась внутри...

Низовье Рессы, месяц просинец

Под толстым слоем снега было непонятно, где кончается лед Рессы и начинается пологий берег, но Милята уверял, что костер разложил уже на берегу, и ему поверили. Дружине Лютомера требовался привал.

Худота и Извек волокли из леса старое бревно, поваленное бурей, и ругались, что им никто не помогает. Холод был не сильный, как обычно в пасмурные дни, но от долгого пребывания под открытым небом все порядком продрогли. А лес с обеих сторон стеной стоял над узкой рекой, глухой и заснеженный, похожий на неприступную стену – границу иного, нечеловеческого мира. Кое-где виднелись крестики и галочки птичьих следов или заячьи петли, но никаких признаков близости жилья. Эти места были малонаселены, и только Лютомер, с его чутьем оборотня, еще мог как-то найти теплый ночлег.

Лютава сидела возле огня на краю саней и с наслаждением грела озябшие руки. Уже десятый или одиннадцатый день – она, кажется, все-таки сбилась со счета – Лютомер со своей дружиной и сестрой ехали обратно домой, в Ратиславль на средней Угре, из Витимерова на верхней Десне. Их родичи думали, что Лютава уже стала женой дешнянского князя Бранемера, сам Бранемер думал, что его угрянская невеста коротает зиму в священном заточении под Ладиной горой, а на самом деле она покинула подземелье в ночь Корочуна, среди буйства ряженных. Теперь у нее имелось средство вернуть здоровье отцу, избавив его от духа-подсадки.

Во время бегства с Ладиной горы Лютаве было некогда раздумывать, но на первом же ночлеге она засомневалась.

– Зачем нам сейчас ехать в Ратиславль? – приставала она к брату, усталая и замерзшая после целодневной езды по снегу и понимающая, что впереди еще не один десяток таких переходов. – Может, попытаемся до подсадки добраться... через Навь? Какая разница, где мы находимся, если воевать нам надо не с телом, а с духом?

Превратности ночи Корочуна не смутили Лютаву, а, наоборот, наполнили ратным духом: она чувствовала, что многому научилась, и теперь жаждала опробовать свои вновь приобретенные возможности.

– Мы можем одолеть подсадку через Навь, – кивнул Лютомер. – Но этого мало. Даже если у нас все получится, отец будет слишком слаб. А рядом с ним – Замиля. Она уговорит его послать за Хвалисом, и он согласится, потому что откуда ему знать, кто наслал на него дух-подсадку, а кто избавил?

– Ты думаешь, Хвалис придет жать нашу ниву?

– Прибежит! За полгода и отец поостыл, и родичи подзабыли, как из-за Хвалиса чуть без хлеба на год не остались. Отец если вдруг возьмет и выздоровеет – на радостях простит сыночка беспутного. Ему тоскливо без родных чад, а мы с тобой невесть где. Вот и получится, что лес валили и жгли мы с тобой, а жать придет Хвалис.

– Отец сам нас отослал! Мог бы и за тобой послать.

– Ему не придется за мной посылать – я сам приеду. Если справимся – он поймет, что чужая злоба едва нас не погубила его руками. А если...

– Если – что?

– А если не справимся, – Лютомер вздохнул, – то мы в Ратиславле будем еще больше нужны.

Никто из них еще не имел опыта борьбы с подсадным духом. Лютомер верил, что справится с ним, но не мог уверенно сказать, переживет ли князь Вершина эту борьбу.

Лютава больше не возражала. Избавление отца было лишь одной заботой из многих. Лютомер не собирался уступать свое наследство сыну хвалиски, бывшей рабыни, а эти права ему нужно было отстаивать в Яви – среди родичей, перед лицом всего угрянского племени.

Уже шел Велесов месяц просинец, а подземный хозяин, хоть и приходился священным отцом Лютомеру, не баловал легкой дорогой. Почти все время валил снег, несколько раз им приходилось сутки и более переждать где-нибудь в веси, пока прекратится метель и можно будет продолжать путь. У бойников были одни сани с лошадью, чтобы везти наиболее тяжелое из поклажи – котлы, припасы, топоры и прочее снаряжение, – но сами шли на лыжах, подбитых шкуркой с задних ног лося. Более длительную остановку собирались сделать в Чадославле, у боярина Благоты – хоть дня три пожить в тепле, помыться, подлатать одежду и обувь.

Уже осталось позади устье Свотицы, перед ними лежала заснеженная Ресса. Еще переход – и следующую ночь бойники намеревались провести в Чадославле. Лютава уже предвкушала, как удивятся ей Благотины женщины, но и обрадуются, как Милема будет показывать ей своего подросшего первенца, как девки и молодухи будут наперебой расспрашивать про Бранемера... и бросать лукаво-завлекающие взгляды на ее брата.

И, наверное, у Благоты им наконец удастся поесть как следует. В селищах по пути хозяйева неохотно продавали съестное – до нового урожая оставалось еще полгода, зерно и прочее берегли, опасаясь голодной весны. Еле-еле удавалось раздобыть сена для лошади – животным ведь не объяснишь, что надо потерпеть до дома! Поэтому лошадь жевала, а люди порой поглядывали на нее с завистью. Дозорные по ночам долбили лед и удили окуней, светя в лунку факелом для приманки. Иногда выпадала удача и к пробуждению остальных уже была горячая похлебка. Но бывало, рыба не шла, и тогда приходилось после рассвета посылать отроков в лес поискать птицы или еще какой дичи. Однажды повезло: отроки нашли место ночлега зарывшихся в снег тетеревов. После легкой оттепели ночью похолодало и корка наста накрыла спящую птицу, не давая выбраться. Тем утром их набрали три десятка, и мяса хватило на несколько дней.

Но так везло редко, и Лютаве уже снились по ночам блины со сметаной. Сегодня снег снова схватило настом, и бойники ждали, полные надежд.

– Стой! – Дедила вдруг махнул рукой на Бережана, который вдвоем с Барсуком рубил мерзлые сучья для дымящего костра. – Тихо!

Все разом замерли и прислушались.

– Да, слышу! – шепнула Лютава. – Это он!

Треск ломаемых веток из глубины леса становился все ближе и отчетливее. Парни побросали топоры и схватились за луки, торопливо готовя их к работе, Требила, никудышный стрелок, взял сулицу и тоже приготовился.

Из леса донесся волчий вой. Это тоже был знак. Они все знали голос этого зверя, но каждый раз, когда они его слышали, мороз продирает по спине. Низкий, гулкий, – это был глубинный голос не просто леса, а Леса на Той Стороне, голос Нави, куда уходят умершие и откуда приходит к человеку столько благ и столько бед...

Кусты затрещали уже возле самой реки, и из леса выломился лось – похоже, трехлеток. В обычное время мощный лесной бык мог мчаться стрелой в снегу по грудь, как по ровному, лишь разбрасывая тучи белой пыли вокруг себя. Но сейчас он на каждом шагу проваливался в наст и выбирался оттуда с усилием.

Увидев перед собой речной лед, лось с новыми силами устремился вперед.

Людей, замерших возле хилого огня, он поначалу не заметил и прыгнул в их сторону. Бойники мгновенно натянули луки, Требила замахнулся сулицей, но лось прыгнул еще раз и оказался так близко, что все невольно дрогнули и подались в стороны. Сулица и две стрелы пролетели мимо.

Лютава закричала – огромный зверь с тяжелыми копытами мчался прямо к ней, а она, засидевшись в саях, даже не смогла вовремя вскочить.

Лось метнулся в сторону, вслед ему полетели еще три стрелы, а Требила, оставшийся без оружия, кинулся к Лютаве, чтобы убрать ее в сторону.

Но уже не было надобности: все три стрелы попали в лося: одна в шею, две прямо под лопатку. С разгону он пробежал еще два десятка шагов, разбрасывая по снегу кровавые пятна, потом наткнулся на дерево, остановился и покачнулся. В бока и в шею ему вонзились еще три стрелы, и лось завалился на спину. Еще несколько мгновений длинные вытянутые ноги судорожно молотили по воздуху, потом тоже упали.

Повисла выжидательная тишина, а затем два десятка голосов радостно закричали. Лютава даже запрыгала, сидя на сани. Теперь стая приедет в Чадославль сытой, мяса в подарок привезет, а может, и на часть дальнейшего пути останется.

Крупный снежно-белый волк с пушистым загривком и серыми подпалинами на боках вышел из леса вслед за лосем и наблюдал со стороны, как его стая убивает загнанную им дичь. Лютава на расстоянии послала ему поцелуй и всем видом изобразила восхищение.

Обрадованные бойники уже бежали к поверженному лосю, вынимать стрелы и разделять тушу. Белый волк повернулся и неспешно скрылся за елями.

Обратно Лютомер вернулся уже на двух ногах. В человеческом облике он был почти так же хорош, как в волчьем, – высокий, худощавый, но очень сильный, с длинными русыми волосами, в которых люди видели источник его таинственной мощи. У него было продолговатое лицо с русой бородкой, близко посаженные серые глаза под густыми бровями смотрели умно и проницательно, и при всем при этом у него был какой-то диковатый вид, чем-то потусторонним веяло от его лица, даже незнакомые сразу понимали, что перед ними оборотень. Возможно, дело было во взгляде – жестком и хищном, какого не бывает у обычных людей. Только у тех, кто живет вне привычного круга.

Лютава так походила на брата, что их близкое родство всякому было видно сразу: тоже высокая, худощавая. Лицом она была не так чтобы очень красива – близко посаженные, как у Лютомера, серые глаза, черные брови, широкий рот, смугловатая кожа, как будто летний загар приставал к ней крепче, чем к другим. Однако лицо ее дышало умом и задором, которые делали ее очень привлекательной.

– Умаялся! – Лютомер улыбнулся сестре и присел на сани рядом с ней. – Там в лесу наст, он, зверюга, убежать не хотел, все норовил меня поближе подпустить и копытами приласкать. Еле выгнал.

– Зато теперь мы с добычей! – ликовала Лютава.

В путь тронулись только за полдень. Покончив с едой, бойники погасили костер и засыпали снегом угли, убрали котелок, в котором кипятили воду и заваривали сосновую хвою, расставали по заплечным коробам миски и чарки, а съедобные части туши погрузили на сани. Голову, ноги, шкуру, внутренности, кроме печени, языка и губ, которые съели в первую очередь, оставили на снегу: лесные братья-волки подберут.

Сытые и довольные, отроки бодро двинулись вперед: первым шел Дедила, прокладывая путь, за ним – самые младшие, чтобы не отставали, потом остальные. Лютава ехала на сани в середине строя, а Лютомер шел рядом с ней. На сердце у нее было весело. Наконец-то она была сыта, согрета у костра, но больше всего ее ласкала надежда заснуть сегодня на лежанке, в избе, где вытоплена печь, поев перед этим каши и хлеба. Даже тянуло запеть, но на холоде стоило поберечь горло.

Вдруг впереди раздался свист. Лютомер всегда посылал кого-то из парней, чтобы шел на перестрел впереди всех и следил, безопасна ли дорога. Сейчас Худота поспешно возвращался и знаками показывал: навстречу идет другой отряд.

– Целый обоз! – возбужденно докладывал он Лютомеру и сбившимся в кучу бойникам. – Людей с три десятка да саней столько же!

Три десятка и с обозом – это уже почти войско по здешним пустынным местам. Не за дровами мужики. Лютомер огляделся. Берег Рессы здесь был невысок, и бойники могли на лыжах уйти в заросли, но как быть с лошадей и санями? Лютомер мотнул головой, и двое

парней повели лошадь за ивы. Лютава, подобрав повыше подола, торопилась за ними, стараясь идти по следам саней и все равно проваливаясь. У нее тоже имелись лыжи, но она редко ими пользовалась, и сейчас они лежали в санях среди поклажи.

Стая находилась уже на своей, угрянской земле, и встречный обоз мог не нести никакой опасности, но Лютомер из осторожности не хотел показываться всем подряд. Через пару мгновений стая исчезла, будто растворилась. Среди зимних зарослей их белые кожанки и серые волчьи шкуры не бросались в глаза. Их присутствие могли бы выдать следы, но на несвежем снегу трудно было определить их давность.

Спрятанная за двумя-тремя близко растущими толстыми ивами, Лютава прижималась к лошади, готовая зажать морду, если вздумает ржать. И сама на нее опиралась, поскольку удерживать равновесие в глубоком снегу, перемешанном с ветками и высокой травой, было нелегко. В черевьи набьется, чулки промокнут...

Сквозь ветви ей было плохо видно реку, и она завидовала побратимам, которые сейчас лежат гораздо ближе, держа наготове луки. Лютомер тоже был где-то там, впереди, и она вытягивала шею, безнадежно стараясь рассмотреть его через гущу зарослей.

Было безветренно, и вскоре она сама расслышала приближение чужого обоза: скрип снега, позвякивание упряжи, фыркание лошадей.

И вдруг поблизости кто-то свистнул. На реке слышались возгласы, шум движения. А потом Лютава услышала, как кто-то, не скрываясь, продирается сквозь снег и заросли на лед.

Она отодвинулась от лошади и выглянула из-за ивы. Лютомер, с опущенным луком в руке, уже вышел на открытое пространство и помахал кому-то впереди.

– Здоров же будь, стрый Богорад, вовек живи! – крикнул он.

Услышав это имя, Лютава побежала за братом. И успела встать рядом с ним как раз тогда, когда из-за саней вышел Богорад – двоюродный брат их отца, князя Вершины. Его лицо выражало разом изумление, недоверие и облегчение.

– Услышали, видать, боги вопрошания наши! – воскликнул тот. – А я за тобой посылал!

Бойники дружно выходили на лед из своей засады, спутники Богорада тоже собирались толпой, приветствуя их. Гудели голоса: все это были знакомые лица – Ратиславичи и кое-кто из соседей, составлявших князеву дружину во время зимних обходов.

– Что случилось? – Лютомер подошел к родичу. – Ты чего здесь лазишь, дядька?

– Как – чего? А в гошенье-то кто пойдет – Сивый Дед?

– Гошенье! – Лютомер хлопнул себя по лбу, потом опустил руку и посмотрел на Богорада. – А что, отец... совсем плох?

Богорад только махнул рукой и сел на сани.

– Слушай, что у нас деется...

Лютомер мигнул своим, и отроки, сбросив лыжи, полезли в кусты за хворостом. Развели костер, чтобы не холодно было беседовать, поставили в круг четверо саней. Богорад рассказывал, как с Вершиной во время Корочуна приключился припадок, о том, как тот жил после.

– А хвалиска-то сбежала! – добавил он в конце. – Вот перед тем, как мне в путь снаряжаться, взяла да и исчезла. И девчонку свою увезла, и челядь, и пожитки. Скотину только оставила. Толига с отроками ее увез куда-то. У нас, правда, бабы болтали, будто это... что Вершина ее того... – Он не решился сказать, что князь съел жену, но слухи шли именно об этом. – Но не мог же он за одну ночь пятерых уходить, и чтобы ни косточки не оставить!

– Не мог! – подтвердил Лютомер. – Та тварь, что в нем засела, не кости грызет, а сердце сосет.

– Что же делать? – Опираясь руками о колени, Богорад подался к нему. – Так всего и высосет?

– Нет. У сестры есть средство подсадку выгнать. – Лютомер кивнул на Лютаву. – Мы затем и едем.

– Что за сре... – начал Богорад, поглядев на Лютаву, и вдруг переменялся в лице. – Постой, а ты здесь почему?

Он уставился на косу Лютавы, спускавшуюся из-под шерстяного платка на плечо. Было ясно, что княжеская дочь по-прежнему не замужем. И это после того, как ее еще осенью отослали на Десну – выходить за Бранемера! Но Богорад настолько привык видеть детей Велезори всегда вместе, что сейчас, занятый другими заботами, не сразу сообразил: ее тут быть не должно!

– Ты что же, – нахмутив брови, родич посмотрел на Лютомера, – не довез сестру до жениха? Тебе же отец... – он невольно запнулся, поскольку теперь всегда при воспоминании о родиче-князе испытывал жуть, – ясный приказ отдал: везти ее к Бранемеру! Как ты решился родительский приказ нарушить?

– Не нарушил я родительский приказ. Привез сестру к жениху, как было велено. Только у них обычай такой...

– Такой обычай у дешнян, что всякий год молодая жена или дева княжеского рода в перевозимье уходит в подземелье и там живет до Ладиного дня, – подхватила Лютава. – Разделяя самой Лады заточение, что у Велеса в плену томится. И было решено, что в этот год я пойду Ладе служить, а свадьбу до Ладиного дня отложим. И вот... – Она набрала побольше воздуха перед самым сложным, – как вошла я в подземелье, так мне тайное открылось. Узнала я, почему боги Бранемеру уже двенадцать лет детей не посылают. Узнала, что не на жене проклятие лежало, а на нем самом. Сглазила его мачеха, старого князя младшая жена. Хотела, чтобы Бранята бездетным умер, а после него все ее сыну Витиму досталось. Но я... я одолела бабку и сняла сглаз. И жена Бранемерова сразу же и понесла. Теперь я, даже если весной и выйду за него, княгиней уже не буду: Миловзора родом не хуже меня и сына родит первой. К тому же... к весне и дешняне могут проведать, что с нашим батюшкой приключилось. Кто тогда меня возьмет – испорченного отца дочь? Узнает муж об этих делах – домой отошлет с позором. Я позора себе и роду не хочу. Сперва исцелим батюшку, тогда и будем о свадьбах думать.

По лицу Богорада было видно, что в уме его роятся и толкаются многочисленные вопросы. Но он молчал: в делах волшбы и волхвования он ничего не понимал и знал, что в этом племянники куда умудреннее его. А к тому же Лютава сказала нечто, отвечавшее его собственным мыслям. Даже и выйди она за Бранемера еще осенью, это не помогло бы делу в том случае, если на Десне узнают о несчастье с Вершиной. Весьма вероятно, что муж отослал бы ее назад, осрамив весь род Ратиславичей. Богорад и сам день и ночь изводился от беспокойства ради грозящего позора.

– Так что, девка, поедешь домой? – спросил он, помолчав.

– Мы поедем, – уточнил Лютомер.

– Ты со мной в гощенье пойдешь, – возразил Богорад. – Ты – отцу старший сын и наследник, тебе и дело его исправлять.

С этим Лютомер не собирался спорить. Подхватив поводья из слабеющих отцовых рук, он оставлял за собой его место, если Вершине не удастся вернуть разум и здоровье. Отказаться – означало уступить все права кому-нибудь из братьев. Чего доброго, Хвалису!

– Значит, мы пойдем с тобой в гощенье и приедем в Ратиславль вместе, – решил Лютомер.

– А отец... – начал Богорад, снова хмурясь.

Он и сам не знал, как быть: послать девку одну или с двумя-тремя отроками за две реки не поворачивался язык. Но если она повезет свое загадочное средство по пути гощенья, это означает, что в Ратиславле оно будет месяца через два!

– Это не так страшно, – утешил его Лютомер. – Галица мертва. Управлять подсадкой она больше не может, а без хозяйки дух пребывает будто в спячке. Говорят, можно два-три года так жить. Мы успеем вернуться... и все поправить.

Но чело Богорада не разгладилось, в глазах застыло угрюмое сомнение. Он чувствовал себя будто в избе, где проваливается крыша и оседают две-три стены: не знаешь, куда кидаться, что держать, чтобы не дать всему зданию рода Ратиславичей рухнуть на головы детям. Князь – испорчен и безумен, старший сын – бойник и оборотень, второй сын – преступник и беглец... Даже младшая князева жена, по чьей глупости все это заварилось, сбежала, и неизвестно, где она сейчас и что затевает. Слава чурам, если Галица мертва, но ведь с той дуры Замили станется другую замороку найти! Мало ли их Невея наплодила!

– Ну, смотри, – наконец выдохнул Богорад. – Ты – отцу наследник, тебе и решать.

А когда он встал и пошел к своим саням, Лютава вдруг испустила глухой протяжный стон.

– Что? – Лютомер обернулся. – Ногу отсидела?

– Нет!

А Лютава сообразила: стоя разворачивает лыжи вслед за Богорадовой дружиной! Они снова едут на полудень, вверх по Рессе, на приток Перекшу, что служит гошенью дорогой на восток. Все ее мечты о ночевке возле теплой печки, о пирогах и блинах со сметаной, о болтовне с Милемой и другими сродницами пошли прахом!

А ведь Чадославль был уже так близок – мало не видать...

* * *

За двадцать лет жизни в Ратиславле Замиля ни разу из него не выезжала – было некуда и незачем. Поездка до ближайшего займища уже казалась ей событием, а теперь, пустившись в путь через бескрайние леса, она чувствовала себя оторванной от всего прежнего – не так чтобы любимого, но привычного. Заснеженные чащи, которые ползли навстречу саням, уходили назад, но совершенно не менялись, неожиданно напомнили ей море. Хвалиское море... Нет, Бахр-аль-хазар – Хазарское море, как оно называлось в ее родном Хорезме. Она пересекла его, следуя в свите купца по имени Кабиль ибн Ульфат. И сейчас, двадцать лет спустя, его чернобородое лицо и хрящеватый нос ясно стояли у нее перед глазами. Она помнила даже голос – так ясно врезаются в память впечатления юности, когда жизнь впервые распаивается перед тобой во всю ширь. Но те воспоминания казались очень далекими – будто все это было не с ней, а с какой-то совсем другой девушкой. И даже странно, что ту другую девушку тоже звали Замиля. Видит Аллах, она не желала такой беспокойной жизни. Разве ее вина, что купец Кабиль так влюбился в юную рабыню, что повез ее с собой туда, куда женщин никогда не берут? Уж конечно, жену свою, Раджап-бану, он не стал бы таскать по свету, не заставил бы переживать бесчисленные трудности, опасности и невзгоды!

Впрочем, Аллах не был к нему благосклонен. Любопытство к неведомым землям и торговым путям завело его на гибель. Прознав от вятичей, что у хвалисов с собой немало серебра, молодой угрянский князь Вершина собрал войско и напал на купцов у самых своих рубежей. Нападение случилось на берегу большой реки – Оки, как Замиля потом узнала. Но Кабиль говорил, что это Нахр ас-сакалиба – Река Славян, которая впадает в Хазарское море. Было известно, что этим путем купцы-русы приходят из славянских стран к Румскому морю, а оттуда пробираются к Хазарскому и едут на верблюдах до самого Багдада, но никто на Востоке не мог сказать, что сам побывал у начала этого пути. Одни говорили, что Река Славян течет в Хазарское море из Румского, другие – что выходит из глубины славянских земель и двумя рукавами впадает в два моря.

Кабиль хотел стать первым, кто доберется до самых истоков и выяснит наконец всю правду о Реке Славян. Мечтал, как прояснит это дело, возможно, даже напишет книгу и тем навек прославит свое имя. Со своими людьми – купцами и охраной – он с позволения хазарского кагана вошел в Реку Славян из Хазарского моря и миновал город Хамлидж, лежавший

неподалеку от ее устья. Там он встретил купцов ар-рус, которые указали дорогу дальше, но предупредили: там совсем дикие места, где жители недружелюбны к чужакам.

И оказались правы. Чем дальше от моря забирался Кабиль, тем труднее ему было договориться, несмотря на усилия рабов-толмачей. И вот однажды на рассвете, когда отряд собирался в путь, из кустов вдруг полетели стрелы. Замиля успела спрятаться среди поклажи, накрывшись мешком. Ее нашли, только когда все уже было кончено и победители стали делить добычу. Люди Кабиля были перебиты, частью захвачены в плен и проданы проезжим русинам, у которых уже имелись заключенные договора с местными князьями о безопасном проезде. Впоследствии, начав понимать язык сакалиба, Замиля узнала: к мысли об этом набеге Вершину подтолкнули подлецы ар-рус. Им не нужны были соперники на этих торговых путях.

Сам Кабиль погиб. С немногими людьми он пытался уйти на лодье, где лежал один из сундуков с серебром, но получил стрелу в грудь. Из последних сил он раскрыл сундук и опрокинул через борт в реку, а затем и сам бросился туда с саблей в руке. Так и лежат на дне Оки сотни серебряных дирхемов, золоченая сабля и кости отважного, но неудачливого искателя новых путей... И не насмешка ли судьбы – что она, рабыня-наложница, взятая хозяином ради отдыха среди тягот пути, единственная теперь знала то, за что немало мудрецов Хорезма заплатили бы золотыми динарами: что большая река, впадающая в Бахр-аль-хазар, у местных жителей называется сперва Итиль, потом Юл, что в нее впадает Ока, населенная славянами и схожей с ними голядью, а в Оку – Угра, ведущая от вятичей к кривичам и дальше каким-то образом выводящая к землям русов...

Угрянский князь Вершина этих сведений не ценил, зато был охоч до серебра и шелков. Добыча ему досталась немалая – правда, половину он отдал вятичским князьям, своим сватам, за разбой на их земле, – и красавица рабыня Замиля. Двадцать лет она прожила в избе среди этих вечных снегов, родила пятерых детей, двоих похоронила... Привыкла жить среди язычников и делить с ними пищу – не хватило духу отказаться от еды и умереть ради Аллаха. И дети ее выросли язычниками... Но как она могла помешать этому, если их, едва научившихся ходить, брали за руки и уводили в общий круг – плясать перед идолами? Детьми Замили распорядилась старшая жена – княгиня, и младшая жена подчинилась ей, как дома – Раджап-бану. Доля младшей жены во всех землях одинакова.

Замиля всегда знала, что рано или поздно эти края и эти люди погубят ее. Недаром же ее первые шаги по земле угрян она сделала между пятен крови и мертвых тел. Вершина был добр к ней, но не сумел защитить ее сына от детей Велезоры. А теперь и сам превратился в опасное чудовище, какого-то шайтана! И вот ей, уже совсем не молодой, приходится пускаться в путь через море, не ведая, что на том берегу...

Вперед продвигались не быстро. Зная, что за бабу ему придется везти через три реки, Толига набрал с собой овчин, припасов, так что загрузили целые сани – кроме тех двух, что ушли под пожитки самой Замили. Она увезла из дому все, что смогла, будто не собираясь возвращаться. Толига был хмур и со спутницей почти не разговаривал. Ему пришлось выдерживать целый бой с собственной «старухой»: Мирогостевна решительно возражала против того, чтобы муж ввязывался в это дело. Едва отпустила сыновей – только потому, что и сама считала добрым делом избавить Ратиславль от хвалиски.

Ехали по хорошо знакомым местам – вверх по Угре. Толигу, княжьего родича, здесь знали и охотно пускали ночевать. На Замилю смотрели с изумлением: в этих краях не видели таких темноглазых, черноволосых женщин, – потом начинали шептаться. Никому не открывая правды, Толига рассказывал, что младшая княжья жена по повелению самого Вершины едет проведать своего сына. На верхней Угре уже прослышали о событиях минувшего лета, хотя и толковали их вкривь и вкось.

Через три дня вышли в извилистую Жижалу – приток Угры, что вливался в нее с полуночи, как раз там, где сама Угра резко поворачивала на полудень. С запада в нее здесь же впа-

дала Вороновка, и три реки образовывали нечто вроде неровного креста, перекрестка путей на все четыре стороны света.

Теперь до цели оставалось совсем близко, и еще до вечера путники увидели городец Верховражье. Речной мыс отделялся с одной стороны глубоким оврагом, откуда и пошло название – от «верх оврага», а с другой стороны был выкопан ров. Здесь сидел род Радутичей – старинный, знатный и неуступчивый. Когда-то их предки отвоевали эти земли у голяди и не желали признавать над собой власти ни смолянских, ни угрянских князей. Князь Братомер, а потом его сын Вершина немало бились с Радутичами и в конце концов договорились о дружбе, отдав сестру Толиги, Румяну, в жены старшему Дорогуниному сыну, Окладе. Толига был родичем Вершины по Темяне, то есть к княжескому роду не принадлежал, но Оклада сам выбрал Румяну – самую красивую из ратиславльских невест того лета.

Оклада сейчас и был старейшиной Верховражья и называл себя боярином. Дань с Жижалы он собирал сам и две трети отсылал в Ратиславль, но в остальном был здесь полным хозяином: сам судил, сам приносил жертвы за жижальцев у знаменитого Копье-камня, сам созывал вече. Все это немало заботило Вершину, но пришлось кстати, когда понадобилось избавиться от Хвалиса: на Жижалу угрянское гощенье не ходило, и можно было верить, что здесь оплошавшего отпрыска никто не найдет. А Оклада только рад будет приютить того, кого не любят в Ратиславле.

Перед прибытием Замиля велела остановиться и переоделась: вместо дорожной надела самую дорогую свою шубу – на болгарских соболях, крытую синим шелком, – а поверх убруса намотала другой, золотистого шелка. Надела золоченые греческие обручья с самоцветными камнями, перстень, в котором мерцал лиловый камень джамаст с хорезмийской надписью «Илла-лах», который какой-то русин отдал Вершине в уплату за проезд через его земли от Волги к Десне. Все это Вершина подарил ей за двадцать лет. Она не собиралась являться к Окладе беглянкой и просительницей: пусть гордится, что его навестила любимая жена угрянского князя!

У Толиги всю дорогу было сердце не на месте. Полгода назад он отвез сюда своего воспитанника, но с тех пор не имел от него вестей и не знал, как тот здесь прижился.

Однако все оказалось даже лучше, чем Толига ожидал. Судя по веселому виду Хвалиса, у Оклады он пришелся ко двору. Здесь легко было рассказывать, что он был вынужден бежать из дома, чтобы его не погубили оборотни – дети Велезоры, и Оклада охотно поддержал того, в ком видел соперника будущих угрянских князей. За столом Хвалис сидел среди хозяйских сыновей и был одет в такую же, как у них, сорочку, шитую руками боярыни Румяны.

Матери Хвалис очень обрадовался, и она разрыдалась, припав к нему. Потом, проведенная в дом, стала раздавать подарки: посуду хозяйке, полотно дочерям, пояса и рукавицы сыновьям. Хозяину – шелковую шапку на соболе. Семейство было довольно многочисленное: сыновья Живогость, Переслав, Радутец, Румянок, дочери Игрелька и Добруша. Старшая, Толигнева, названная в честь брата матери, уже была замужем. У Оклады имелся младший брат, что изначально тоже звался Радутец, но теперь больше был известен под прозвищем Кривец – правый его глаз был стянут старым шрамом. У Замиля и для него нашелся тканый пояс и резной гребень. Оклада, довольно хмурый рыжеватый мужик, и правда был горд принять такую гостью, даже расщедрился на пару шербатых улыбок.

– Где вам хлеб, там и нам хлеб! – приговаривал он. – Дайте боги, чтоб вам лиха не было, коли вы наши родичи и сватья!

В городце жил только сам Оклада с ближними родичами, зато на берегу раскинулось довольно обширное селище. По вечерам люди набивались в обчину, где справляли пиры и обсуждали дела, и Толига рассказывал о событиях минувшего года на Угре. Главных было два: отправка Лютавы в дешнянскую землю, замуж за князя Бранемера, и болезнь Вершины. Толига представил все наилучшим образом: Лютомера отец отослал вместе с сестрой и не велел возвращаться, пока сам не поκληчет – что было чистой правдой, – а значит, его наследником,

буде чуры призовут, становится Хвалис. О том, что вину за болезнь князя молва возлагает на Замилю, он, конечно, не упомянул. Зато дал понять, что ради будущего вокняжения Замиля и приехала за любимым сыном.

На самом деле Толига с трудом скрывал беспокойство. Замиля приехала ведь вовсе не затем, чтобы забрать сына, а чтобы с ним остаться.

Самому Хвалису они тайком рассказали всю правду.

– Твоего отца схватил шайтан... ну, тот злобный дух, которого наслала эта змеюка Галица, – шептала ему тайком Замиля. – Сначала все шло хорошо: он отправил Лютаву на Десну, а ее брата отослал с ней и не велел возвращаться. Потом он призвал бы тебя и объявил своим наследником. Так и было бы, но... Я не знаю, что случилось с Галицей, но тот шайтан вдруг взбрыкнул и перестал ей подчиняться. Теперь князь сидит как помешанный и только просит есть! Я каждый день и каждую ночь боялась, что он съест меня или нашу дочь! И я знаю: все эти люди нарочно оставили с ним меня и Амиру, чтобы он, если шайтан захочет кровавой жертвы, бросился на нас! Нам пришлось спасти свою жизнь! И теперь ты должен защитить твою мать – я сделала все, что могла, чтобы защитить тебя. Но теперь ты уже не ребенок, ты мужчина, и теперь я полагаюсь на тебя!

– Я придумаю что-нибудь, не бойся, матушка! – Хвалис обнимал ее, но в лице его и в таких же, как у Замили, темных глазах застыла тревога.

За минувшие полгода он почти забыл прошлые неприятности. Иногда он вспоминал о будущем, но отмахивался от этих мыслей, надеясь, что отец и мать как-нибудь все уладят. И вот эти надежды рухнули. Отец – помешан, мать сама приехала искать защиты у него, сына. Прятаться больше не за кого, пора из отрока делаться мужем...

– Нужно успеть что-то наладить, пока Лютомер не прознал и не вернулся, – говорил ему Толига. – Если он узнает и приедет – Богоня его князем объявит. Тогда пропала твоя голова: всю жизнь здесь сиди.

– Меня здесь любят...

– Любят, пока надеются, что от тебя им толк будет. А коли ты навсегда в бегах останешься, что им толку? Оклада-то станет ли тебя всю жизнь кормить? Родства-то у него с тобой – вашему тыну троюродный плетень. Я вот думаю, мать, – Толига обернулся к Замиле, – не попытаться ли нам женить его тут? У Оклады вон две дочери-девки. Будет ему зять – тогда уж не отступится, что бы там ни оказалось потом.

– Ну, хорошо, поговори с Окладой, – не слишком охотно согласилась Замиля. – Лишь бы у него хватило ума понять, какая для него это честь! Да! – добавила она, видя, как хмурится Толига. – Потому что мой сын – княжеского рода, а эти Радутичи только и знают, что чваниться своим расколотым камнем!

Повесть о расколотом камне Замиле поведали на первом же пиру, который Оклада устроил в обчине в честь ее приезда. Когда-то, говорили старики, на месте Верховражья стояло святилище голядское, и лежал в нем Гром-камень, Перкунасу посвященный, и служила в нем дочь вождя. Звали ее Жежела. Но однажды повстречался ей молодец, удалой Радута, и полюбила она его. Стала ходить с ним гулять в лесочки, свивать веночки. Однажды загулялась на всю ночь летнюю, а тем временем погас священный огонь перед Гром-камнем. Разгневался Перкунас, ударил огненным копьём и разбил камень напополам: половина в реку рухнула, а половина под гору упала. С тех пор покинуло голядь счастье. Приспела осень, посватался Радута к Жежеле, но отказал ему голядин: лучше, мол, я дочь мою в реку брошу, чем за кри-всом замужем увижу. Собрал тогда дружину Радута и пошел на голядь войной. Разбил войско голядское, и затворился вождь в городце. Видит – подступает войско, а деться ему уже некуда. Бросил тогда он дочь свою непокорную в волны речные, а сам вышел биться с Радутой и погиб со всем своим родом. А Радутин род с тех пор всем владеет. Остаток же Гром-камня и посейчас

под горой лежит и весьма людьми почитаем. Только теперь зовется он Копье-камень, потому что видно на нем след от копья Перунова, а реку так и зовут с тех пор Жижалой...¹

Однако Хвалис и впрямь мог надеяться на лучшее везенье в сватовстве, чем удалой Радута. Вместе с другими парнями Хвалис ходил на девичьи павечерницы, и его охотно там принимали, а значит, считали вполне пригодным женихом. В чем-то Замиля была права: тот, кто у себя дома звался отродьем иноземной рабыни, здесь оказался княжеским сыном, да еще и вторым по старшинству. А поскольку самый старший, Лютомер, до сих пор оставался в бойниках, то есть как бы и не в людях вовсе, то Хвалис до его возвращения оказывался старшим. Да и вернется ли оборотень хоть когда – один Велес знает!

Не удивительно, что боярыня Румяна улыбалась, глядя, как Хвалис болтает с ее младшими дочерьми. Игрельке было четырнадцать лет, а Добруше – тринадцать; обе уже год-два как впрыгнули в поневу, то есть достигли возраста, когда можно справить обручение, а при надобности – и свадьбу. Младшая, Добруша, лицом пошла в отца и унаследовала его широкий нос и жесткие рыжие волосы. Зато средняя, Игрелька, уродилась в красавицу мать, и на голове ее задорно вились легкие русые кудряшки с небольшим рыжеватым отливом. Чесать их было наказанье – уж сколько гребней переломали, – особенно при том, что девушка была резва и непоседлива. На павечерницах она всегда первая бросала пряжу и выходила плясать, при этом мечта на Хвалиса завлекательные взгляды своих ореховых глаз. Другая мать не обрадовалась бы невестке, которая плясать идет охотнее, чем работать. Но Замилю, которая и сама прясть была не охотница, это не смущало. Если девчонка станет княгиней, то сможет хоть вовек веретена в руки не брать!

* * *

Вероятно, мать Игрельки думала примерно так же. Уже через несколько дней после приезда Замиля догадалась, что боярыня Румяна не прочь с ней поговорить.

– Какая у вас красивая дочь! – как-то начала хвалиска, когда они с боярыней сидели на павечернице на передней скамье, наблюдая за играми молодежи. – Моя Амируша – послушна и прилежна, но красоты ей боги не послали. А как отрадно для родительского сердца видеть, что дочь так радует глаз!

В середине просторной беседы играли «в зорю»: парни и девки стояли в круг, держа руки за спиной, а «заря» ходила снаружи с платком в руке. Все дружно пели:

Заря-зареница,
Красная девица
По небу ходила,
Платок обронила...

Сейчас «зарей» была Игрелька: как старшая девушка на выданье старшей семьи Верховражья, она начинала все игры и заводила хороводы. Амиру тоже позвали, и она стояла с привычно смущенным видом, будто стесняясь своей черной жесткой косы и темных, будто ягода черника, глаз.

– Коли девка послушна и прилежна, то и женихи найдутся, – добродушно улыбнулась Румяна. – Что, за вашей Мирушей приданое-то ведь хорошее?

– А как же иначе! Я дам за ней шубу на куницах, два полсорочка бобра, сорочок лисы, три греческих платья из шелка, разные узорочья. А про полотно и рушники даже говорить нечего.

¹ Легенда по схожим фольклорным мотивам моего сочинения, но название реки Жижалы действительно имеет балтское происхождение. (Здесь и далее – прим. авт.)

– Ну, а коли девка прилежна, приданое доброе, так и жених у нас найдется под стать. Как тебе мой сынок Переславко? Как раз в пору вошел, думали зимой женить. Присмотрели было и невесту, но раз такое дело... можем и в вашу сторону посмотреть.

Платок обронила,
В луже загрязнила,
На жердочку положила –
За водой пошла! –

пели в кругу.

Сунув платок в руку одному парню, визжащая «заря» наперегонки с ним бросилась вокруг строя: кто первым добежит до освободившегося места.

А Замиля слегка опешила. С самого рождения Хвалис был ее любимцем, отрадой и надеждой; на Амиру она обращала мало внимания, тем более что той не повезло с наружностью. О пристроительстве дочери она даже не думала и в первый миг была разочарована: вовсе не затем она завела этот разговор! – но тут же, к счастью, сообразила, какие выгоды это сулит. Не зря она все лето и осень слушала в Ратиславле толки о похищении Доброславом гостилловским двух Вершининых дочерей, о сватовстве и о том, что два равных рода *обмениваются* невестами ради чести и дружбы. Дать свою девку, не взяв взамен другую, может только тот, кто признает себя младшим. А это не про нее!

– Ах, я бы принесла в жертву Макоши и Рожаницам лучшую белую овцу, если бы судьба моей дочери устроилась так счастливо! – Замиля прижала руки к груди, заговорила своим низким своеобразным голосом, который так пленял Вершину целых двадцать лет. – Такой у вас хороший род... такой старинный, знатный, годный оберегать свою честь и добро! Ничего лучше и не могло бы ей выпасть на долю! Знать, боги приметили ее доброту и решили вознаградить, хоть и не уделили ей красоты лица! Но ты знай: женщины моей семьи весьма плодovitы. – Она доверительно наклонилась ближе к Румяне. – У моей матери было двенадцать детей.

На самом деле Замиля даже не помнила своей матери и ничего о ней не знала. Двенадцать детей было у матери Раджап-бану, которая любила о них порассказать женской половине Кабилева дома. И если бы Румяна стала расспрашивать, Замиля смогла бы все это пересказать: за время пути давно забытая юность вернулась на память, будто все это было лишь вчера.

– Я родила всего пятерых, и лишь трое из них сумели вырасти, но ты же понимаешь почему... – Замиля расширила свои большие красивые глаза, намекая на нечто загадочное. – Ведь старшей женой моего мужа была знатная умелая колдунья!

– Велезора-то? – с любопытством спросила Румяна.

– Она самая! Она сумела родить только двоих, а сына и вовсе единственного, и уж конечно, она не хотела, чтобы они нашли себе много соперников в моих детях. Ведь она знала, как князь любил меня... с самого первого дня, когда увидел, и всегда будет любить! С этим она ничего не могла поделать, несмотря на всю ее мудрость и хитрость. Я точно знаю: от ее ворожбы умерли маленькими два других моих сына, и счастье, что мне удалось вырастить хотя бы троих! Амируша будет тебе доброй и покорной невесткой и принесет много внуков. Если нам удастся договориться... Ты же понимаешь... и твой муж, я верю, понимает... будущий князь не может дать кому-то в жены свою родную сестру, не получив невесты взамен.

И Замиля снова метнула взгляд на Игрельку: раскрасневшаяся после «зари», с разломаченными кудрями, та сидела на лавке и обмахивалась платком.

– Об этом шла речь, когда мой сын летом ездил на Оку и виделся с князьями вятичей, – продолжала Замиля. – Там уже все было уговорено: Хвалису предлагали в жены племянницу Святомера, дочь их старшей жрицы Чернавы, а взамен ее сын должен был взять за

себя Молинку, вторую дочь Вершины. Но все погубили оборотни, дети Велезоры! Из зависти, что им никто не дает ни женихов, ни невест, они разрушили все уговоры и обманом, ворожбой увезли Молинку с Оки!

– Это как же?

– Трудно даже вообразить такое коварство! – Замиля заломила руки. – Оборотень наложил чары на обеих девушек, так что они поменялись обликами: Молинка стала выглядеть как Гордяна, а та – как Молинка! Поэтому никто не помешал увезти Молинку – все думали, что угряне увозят Гордяну! Даже мой сын ничего не заподозрил – мы ведь не знаем с их шайтановым колдовством.

– Каким колдовством?

– Очень дурным! А когда правда открылась, уже было поздно. Но оборотни были наказаны богами за свой обман: тем же летом Молинку унес Летучий Змей! Она слишком тосковала по своему жениху и тем приманила змея. Так все и расстроилось: ведь у Вершины больше не было невесты для вятичей. Впрочем, еще не все пропало. Мы еще сможем породниться с ними будущим летом. Я знаю, если оборотень не помешает, они будут рады предложить невесту моему сыну. Если еще не будет женат...

И она многозначительно посмотрела на Румяну.

– Это мы понимаем... чай, обычаи нам ведомы... – протянула та, очарованная этой смесью правды и вымысла, так похожей на сказание. – Не знаю, как отец рассудит... Это ему решать.

– Князь позволил мне самой устраивать судьбу моих детей, – немного надменно заверила Замиля. – Он понимает: я хочу самого лучшего для них и никогда не уроню чести их рода!

А Игрелька, едва отдышавшись, уже вновь вскочила и затеяла игру в колечко. Схватив Хвалиса за руку, первым потащила его в ряд.

Покачу я колечко кругом города,
Покачу, покачу!
А за тем колечком я сама пойду!
Я пойду!
Я сама пойду, мила друга найду!
Мила друга – себе суженого!

Игрелька была очень близка к тому, чтобы доиграться до звания угрянской княгини, но по ее беззаботному виду никто бы не заподозрил, что мысли об этом хотя бы одним глазом заглядывали в эту кудрявую голову.

И вот, не успел еще закончиться просинец, а дева Перуница – взяться за копье, чтобы дать первый бой еще крепкой старухе зиме, как в общине Радутичей было объявлено обручение. При всех родичах и старейшинах селища боярин Оклада поднял рог и объявил, что отдает свою дочь Игрельку за Хвалислава, Вершиславова сына, а за сына своего Переслава берет Амиру, Вершиславову дочь. Ту и другую пару поставили перед родовым чуром, обе матери связали руки женихов с руками невест свадебными рушниками и осыпали зерном из ковша. От имени отца Вершиславичей согласие дал Толигнев – шурином самого Оклады, всем известный здесь как родич угрянского князя.

До весны оставалось еще два месяца, но со свадьбами затягивать не стоило. Приданое Игрельки было готово, Амиры – частью лежало в укладках, часть Замиля обещала привезти потом. Оклада разослал отроков по всем родам, живущим на Жижале, приглашая на свадьбу: он желал иметь как можно больше свидетелей своего торжества. Ведь Толига и Хвалис пообещали ему, что когда сын Замиля сделается князем угрян, он вовсе не станет брать дани с

Жижалы и признает право Оклады называться малым жижальским князем. Тот понимал, что, возможно, за права своего будущего зятя еще придется побороться, но дело явно того стоило.

Сам Хвалис, воодушевленный таким успехом, тоже пустился в дорогу. С горячего одобрения Оклады он отбыл на верхнюю Угру, намереваясь объехать ее ближнее течение и притоки, чтобы пригласить на свадьбу и тамошних старейшин. За этим стояло куда больше, чем желание собрать побольше гостей для веселья. Всякий прибывший на эту свадьбу и выпивший Окладино пива уж верно поддержит его и зятя в борьбе с оборотнем – сыном Велезори.

В мечтах Оклада уже видел себя властелином всей верхней Угры, ничем не хуже Ратиславичей. Чтобы все это выглядело внушительнее, он собрал для Хвалиса целую дружину из парней Верховражья во главе с собственными тремя сыновьями. Дома остался только Переслав – жених Амиры. Тот ходил задумчивый, не зная, то ли гордиться скорой женитьбой на княжеской дочери, то ли печалиться, что невеста так нехороша собой. Но спорить с родительской волей по-всякому не приходилось.

А сама Мируша, все не веря, что судьба ее, тихой дурнушки, вдруг устроилась так замечательно, не покладая рук ткала пояса для свадебных подарков всем тем, кого брат сумеет пригласить. И даже не поднимала глаз, когда Добруша, радуясь, что осталась главной невестой в доме, тащила девок играть.

Игрельке же, как обрученной, ходить на посиделки и плясать было больше нельзя. Видя, как она мается дома взаперти, боярыня Румяна придумала сводить ее и Амиру в Макошино святилище неподалеку, где жила тетка Оклады, Крутица. Обе матери надавали девушкам полотна, пряжи, зерна, меда, пирогов – ими принимает жертвы главная хранительница колодца судеб и мать урожая.

Румяна и Амира вернулись в Верховражье на следующий же день и вновь принялись за работу. Игрельки с ними не было: в Макошином они повстречали людей из Занозина селища, выше по Жижале. Те приходились Окладе и Крутице родней, и у них тоже намечалось разом три свадьбы. Любящая тетка позвала Игрельку с собой, и та уехала поплясать на чужой свадьбе, чтобы не так скучно было дожидаться своей.

– Отпустила я ее, отец, – покаянно засмеялась Румяна. – Хоть и не по обычаю, но пусть уж порезвится напоследок...

– Ох, доиграется... – Оклада покачал головой, но скорее насмешливо, чем сердито.

Дочь поступила неразумно: между сговором и свадьбой девушку уж слишком легко сглазить, поэтому во многих местах невесту не выпускают из дому. Но родители опять пожалели балованное дитя – Игрелька всегда была их любимицей.

Глава 2

Сидя в санях, Лютава смотрела по сторонам, поэтому первой заметила то, чего еще не увидели остальные.

– Смотрите! – вдруг закричала она. – Там мужик на дереве сидит!

Бойники и люди Богорадовой дружины принялись вертеть головами. Кто-то схватился за оружие, Лютомер, шедший рядом с санями, тут же пригнул голову сестры и прикрыл собой: «мужик на дереве» вполне мог означать засаду.

Но все было тихо, в дружину не летели чужие стрелы, из-за деревьев не сыпались люди с топорами.

– Правда, вон он! – Чащоба тоже показал куда-то в заросли на берегу и крикнул: – Мужик, ты чего там?

– Где?

– Да вон, иву видишь толстую?

– Ого!

– Он спит, что ли?

– Эй! Мужик! Просыпайся!

Не каждый день увидишь, как человек спит среди бела дня, сидя на толстой ветке ивы на высоте в три человеческих роста над землей. Обоз остановился, бойники подошли на лыжах вплотную к дереву. Лютомер пригляделся к мужику, потом вдруг свистнул и резко махнул рукой: стойте, мол.

Несмотря на шум и крики внизу, тот даже не шелохнулся, не поднял головы в овчинной шапке, прислоненной к стволу. Лица его было не видно. На спине, на плечах, на голове, на руках, обнимающих ствол, лежал снег.

Лютомер осторожно приблизился. Под стволом валялись кое-как брошенные лыжи, полузарытые в снег. На них виднелись следы звериных зубов...

Сбросив рукавицу, Лютомер осторожно разгреб верхний слой снега – от ночного снегопада. Пошарил, ощупал кончиками пальцев невидимые издалика следы. Вынул из снега что-то очень маленькое, поднес к лицу.

– Так чего он – мертвый, да? – окликнул Дедила.

Эта печальная истина была ясна уже всем.

– Снимать будем? – К Лютомеру подошел поближе стрый Богоня и тоже посмотрел на мервеца, придерживая шапку.

– Нет, – Лютомер покачал головой, держа перед собой волчий волос. – Сперва у Рознежичей спросим, не пропадал ли кто.

Селище Рознежичи было следующим, где гощенье предполагало ночевать.

– Волки загнали? – Богорад посмотрел на волос, потом на лыжи со следами зубов.

Лютомер молча кивнул. Он уже приметил веревку, которой несчастный мужик, загнанный хищниками на дерево, привязал себя к стволу, чтобы не упасть, если заснет. И он не упал. Но сойти наземь так и не смог, а замерз насмерть во сне.

Волчий волос Лютомер убрал в рукавицу и вернулся на лед. Обоз тронулся дальше.

Месяц лютень шел к середине. Княжеское гощенье двигалось вниз по Угре и приблизилось к устью впадавшей в нее реки Гордоты – неширокой, мирно текущей в крутых, но низких берегах. Лютава проходила этот путь в первый раз, но Лютомер бывал здесь уже неоднократно и был знаком с жителями верхней Угры и ее притоков. После встречи на Рессе уже две дружины вместе пробирались по лесу от верховий Перекши к истокам самой Угры, чтобы дальше ехать вниз по течению до Ратиславля. Гощенье это выросло из старинных объездов отца, проверявшего по зимам, как живет отделившимся детям и внукам: разбирал споры,

улаживал ссоры, помогал делом, где нуждались. Приносил жертвы по праву старшего в роду, стоящего наиболее близко к предкам. По мере того как роды разрастались в племена, потомку родоначальника приходилось совершать все более и более далекие объезды. Князь старшего племени – как тот, что сидел на верхнем Днепре в краю кривичей-смолян, – уже и не мог сам обойти за зиму земли всех малых племен, и ему его долю доставляли малые князья. В каждом селении князь собирал дань: десятую часть урожая, вытканного полотна, добытых мехов. Все это хранилось у него, частью шло на жертвы, частью на пропитание войска, если будет нужда собирать ополчение и идти в поход, частью – на помощь тем родам и волостям, где случился неурожай или еще какое бедствие.

Зимомом встречали у Звеничей – в селище близ Звон-горы, куда собирались на великидни жители округи. На Звон-горе выстроили целую крепость из снега, и в ней засела «старая Марена» – здешняя большуха в рогатой кичке и с дубиной в руках. Лютава вышла против нее с жердью, изображавшей копье, и в накидке из медвежьей шкуры – как молодая Лада, впервые пробуящая прогнать старуху. Но старухе еще не настало время уходить: под вопли зрителей на валу святилища Лютава лишь сорвала с нее кичку и убежала с добычей, подгоняемая дубиной и бранью старухи.

Гощенье тронулось дальше. В каждом селище – одиночном или старшем в своем гнезде, – обоз останавливался, люди располагались в общине отдыхать и греться, старшие собирались в беседы – обсуждать дела. Считали и грузили дань. О князе Ратиславичи говорили, что Вершина приболел – на случай если слухи все же пойдут, – и поэтому его заменяет Лютомер.

Близ селищ нередко встречались волчьи следы. В это время, когда лес уже завален глубоким снегом, стаи держатся возле жилья, хватают собак, угрожают лошадям путников, иной раз забираются и в хлевы. Шла пора волчьих свадеб – уже сложившиеся пары вожаков уединяются, готовясь произвести новое поколение, а подросшая молодежь образует собственные пары, основу будущих стай.

Почти каждую ночь, когда дружина располагалась на отдых, Лютомер исчезал. Об этом не знал никто, кроме Лютавы. А она тайком выходила из беседы, где ночевали, и прислушивалась. Из темноты со стороны чащи доносился волчий вой – протяжный, пронзительный, проникающий в сердце, будто холод клинка. Вой матерого волка – низкий, грозный. Волчицы – чуть выше. Тонкие голоса молодых. Один начинал, потом присоединялся другой, третий... И вот уже семь-восемь волков – вся местная стая – соединяли свои голоса, словно стебли холодных цветков в зимнем венце Марены. Будто нити узорного пояса, который тклет она в дальней ночи, чтобы опоясать и подчинить своей власти земной мир. Вой накатывал волнами – одна за одной, и казалось, это стучится в двери людского мира сама Навь.

И всякий раз Лютава с замиранием сердца различала вплетающийся в пение с Той Стороны голос Князя Волков – так хорошо ей знакомый, особенный, полный силы. Она и беспокоилась о нем, и тосковала, понимая: как ни близки они с братом, в его жизни всегда будут тайны, недоступные ей, и тропы, куда ей не дано за ним последовать.

А минувшей ночью она слышала голос только одного волка – чужого и одинокого. Он выл, созывая стаю на охоту, но никто не отвечал ему – ни подруга-волчица, ни молодняк-переряжки. Падал снег, на пасмурном небе не было видно луны, а волк все выл и выл. Среди ночной тишины голос его был словно клинок меча на черном полотне. Была в нем тоска, и горе, и угроза. Лютава не могла заснуть; казалось, волк предупреждает о неведомой беде. Три раза она выходила наружу, не в силах дожидаться Лютомера. Но, вернувшись, он ничего ей не сказал, а только покачал головой и повалился спать.

Обоз тронулся, Лютомер занял обычное свое место рядом с санями, где ехала Лютава. Порой она, замерзнув, надевала лыжи и тоже шла, чтобы согреться, а потом, утомившись, снова залезала под большую медведину.

– Это не здесь он выл? – окликнула она брата.

– Выл не здесь. Но он здесь был. И сидел долго. День и часть ночи. Ушел, только когда мужик замерз.

– Он – одиночка и не может себе пропитания добыть?

– Он – одиночка. Но я вчера нашел косулю... И возле нее те же самые следы. Он ее загрыз, но ни куска не съел. Загрыз и ушел. Дня два назад.

– Что же все это значит? – Лютава забеспокоилась.

– Придем в Рознежичи – может, там что-то знают... – уклончиво ответил Лютомер.

А когда они под вечер пришли в Рознежичи – первое на Гордоте селище среди дубрав, – там стоял крик и плач. Горестные людские голоса, причитания женщин и рев детей были слышны еще на реке. Сперва, различив первые выкрики, Лютава подумала, что в селище уже знают о гибели замерзшего на дереве мужика. Но крик нарастал, уже было слышно, что плачет сразу множество голосов, и она похолодела: а что, если тут есть и другие жертвы? Но чтобы так плакали, волки должны задрать полсела!

– Напали на них, что ли? – изумился Богорад. – А ну, сынки, поднажми!

Встревоженные походники ускорили шаг. Оставив пока обоз на льду, поспешили вверх по тропе, где вытянулось вдоль оврага селище – десяток изб с огородами на задах.

Толпа народу собралась перед длинным хлевом, обнесенным частоколом. Мужики, бабы, дети – здесь, похоже, были все. Кто-то заметил чужих; все обернулись, сперва испуганно подались назад, к воротам в частоколе, потом двое-трое поспешили навстречу.

– Боярин! Княже! Княжич Лютомер! – закричали там. – Боги вас послали! Будь жив вовек, боярин!

– Что у вас творится? – спросил Богорад. – Лукома! Что вы причитаете, или помер кто?

– А вот иди посмотри! – Лукома, здешний старейшина, взмахнул рукой в сторону ворот.

Люди расступились, Богорад и Лютомер прошли первыми. За ними спешили Лютава и старшие бойники.

Войдя в ворота, все дружно охнули. Двор хлева был устлан мертвым скотом: коровами, овцами, свиньями. Животные лежали кое-как, друг на друге. Туши были покрыты рваными ранами, истоптанный снег залит уже давно замерзшей кровью.

– И там внутри то же творится! – прохрипел Лукома, махнув рукой в сторону хлева. – Ночью слышим: мычит, блеет... Пока поднялись, пока собрались, пока прибежали... А он уже ушел. Только вон Хотеня видел, как хвост мелькнул...

– Волк? – спросил Лютомер.

Лукома только руками взмахнул: дескать, а кто же?

– Невестку мою загубил! – К Лютомеру пробился другой старик. Бабы вокруг запричитали громче. – Она от коровы шла. Корова у нас должна телиться... Шла... да не пришла... А потом как мы увидели это все – а она под тыном валяется, уже снегом засыпана... Так он и внутрь попал – подстерег, как она выходила... Вдовец теперь мой Пишуля, а детей пятеро... Боги наши, боги!

Стала ясна причина общего плача. Погиб весь скот Рознежичей, кроме лошадей в отдельной конюшне, коз и кур, которых держали в пристройках к избам. Не уцелело ни одной коровы, люди остались без молока, в глаза глядела если не прямо голодная смерть, то очень бедственное существование – и надолго.

– И ведь не съел, не унес ни поросенка, – горестно толковали вокруг.

– Может, это оборотень? – сказал кто-то.

– Колдун какой захожий?

– Это кто ж нам такого зла-то желает?

– Чернеичи, может?

– Они, подлецы! Что, княжич, а как вы ехали через Чернеичи, не говорили там, мол, чтоб этим Рознежичам сдохнуть всем?

– Не говорили, – Лютомер покачал головой. – А что, люди, не пропал ли у вас мужик какой?

Народ вокруг замолчал.

– Белята пропал, – сообщил потом одинокий женский голос. – Свояк мой Белодед, Тихонин сын. Пошел ловушки проверять, уж два дня нету. А вы что... встречали его?

– Кто его родня ближайшая? – Лютомер вздохнул и огляделся. – Знаю, где Белята ваш...

* * *

Отправленные на реку сани привезли двоих. Пытаясь расцепить окоченевшие руки покойника, крепко сомкнутые вокруг ствола, свояк Молодила сорвался с ивы. Снег и кусты смягчили падение, но все же мужик расшибся и вывихнул ногу. Пришлось лезть еще двоим, и только тогда тело, обвязав той же веревкой, удалось спустить.

Едва успели вернуться в селище до темноты. Привезли и лыжи со следами звериных зубов: все Рознежичи ходили на них смотреть в баню, где уже лежало тело убитой волком женщины. Вторую жертву того же зверя положили рядом – ждать, пока оттает, чтобы обмыть и одеть.

Плач и причитания не прекращались. Потеря скота обрекала Рознежичей на множество невзгод; два человека погибли дурной смертью и тем грозили усугубить грядущие беды.

– Не погребать нам их на жальнике, а не то земля-мать обидится, хлеба не даст! – говорили старики. – И так без молока, без мяса остались, а теперь еще и хлеба не родится – погибнем, пропадем, будто и не было никаких Рознежичей на Гордоте-реке!

Лютомер осмотрел следы на скотном дворе и был уверен: все это натворил один и тот же волк. Тот самый матерый одиночка, чей голос они слышали предыдущей ночью.

И едва спустилась на землю скорая тьма зимней ночи, как они услышали его вновь. Опять тот же голос одинокого матерого волка, вновь понапрасну созывающего стаю на охоту. И тишина, отвечающая ему...

– Каждую ночь выводит! – заметил Лукома. – Так и воет, никому покою нет... Оборотень это, да?

«Оборотень тут один – это я», – подумал Лютомер, а вслух сказал:

– Не похоже на то. Разве у вас тут прежде оборотни водились? Или были колдуны, что умели людей волками оборачивать?

– От волков нам этой зимой житья не было, – покачал головой Лукома. – Две волчицы прошлой весной родили у них: одна, видать, от старшого, а другая от какого захожего молодца. Летом ничего, уживались с нами, а едва снег выпал, начали нам повсюду попадаться. На зятя моего Милогу напали, как он от Чернеичей к нам ехал, – только собаки и спасли. Потом прямо из селища трех собак унесли. Ловушки наши на дичь раньше нас обирали. Да что ловушки! Пошли отроки поутру рыбу удить – а глядь, зеленые огоньки светятся. Хорошо, с собой огонь был – давай горящие ветки метать, которыми в лунку светили. Да бежать, какая уж рыба! Ну, мы и порешили: надо известить их...

– И как?

– После Корочуна облаву сделали. Взяли десять голов. Один старшой у них и ушел. Думали, теперь посвободнее вздохнем.

Лютомер посмотрел на Лютаву и обменялся с ней понимающим взглядом.

– Так это их вожак и мстит вам теперь, – сказал он Лукоме со вздохом. – Вы его стаю извели, жену и детей погубили. А он вас скотины лишил. Потому и зарезал, а есть не стал, чтоб вы знали: это месть.

– Так все же оборотень? – охнул Лукома.

Лютомер покачал головой. Он с самого начала разобрал, что слышит голос обычного волка – только одинокого и полного лютой тоски о потерянной стае.

– Вы, стало быть, убили десятерых?

– Ну... Показать шкуры?

– А он у вас пока двоих...

– О боги! – Лукома переменялся в лице. Он и так был изможден горем и тревогой, а теперь стал бледен, будто мертвец. – Ты что же баешь... он так и будет ходить, пока тоже десятерых...

Старейшина встал, будто хотел бежать куда, но снова сел – от ужаса подвели ноги.

– Хорошо хоть вы... Что же делать-то, княже? – Старик протянул руки к Лютомеру. – Да что же он – еще за восьмью головами придет?

– Придет.

– Помоги, княже! – Лукома вцепился в его руку. – Не дай детей погубить!

– Зря вы его стаю извели, меня не подождали. Может, я бы и договорился с ними.

– Не дождались, дураки были! Думали... Так как же быть теперь? Идти на этого облавой? Поможешь?

– Помогу, – кивнул Лютомер. – Только облавы не будет.

– А что?

– Буду за вас прощения просить. Я – ваш князь, а вы – мои дети...

– Слышишь, как близко? – Лукома поднял голову. – Прямо будто за дверью...

Волчий вой раздавался совсем близко – не за дверью, но у самого селища. Волк, вооруженный только зубами и ненавистью, остался один, а Рознежичей было несколько десятков. Но в этом его вое звучала такая решимость, такая неотвратимость воздаяния, что было ясно: никто не посмеет до света выйти за порог.

Назавтра двух покойников повезли в лес, где у Рознежичей было свое место для сожжения тел – Марина Плешь. В санях с каждым сидели старик и старуха из старшей родни, и почти все Лютомеровы бойники отправились с ними – охранять по дороге.

Едва въехали в лес, как увидели следы. Осиротевший волк взял обидчиков в осаду, и бойники зорко осматривали лес вдоль тропы, готовые к тому, что придется с ним столкнуться.

Но в этот раз он на глаза не показался. Сложили две крады, подняли тела, бабка Лукомиха подожгла дрова. А Лютомер и Лютава натянули личины, взялись за свои кудесы и стали одновременно выстукивать ритм, призывающий духов... У Рознежичей сейчас не было своего волхва, а случай выдался такой, что его вмешательство необходимо, иначе целостность рода окажется нарушенной. Для таких случаев гощение всегда сопровождал кто-то из волхвов, а нынче их прибыло сразу два.

Лютомер и Лютава могли выйти в Навь и без битья в бубен, но стук предназначался не для них самих. Он призывал две души – те, что так нехорошо расстались с телами и не смогут пройти за Огненную реку, если им не помочь.

Женщина появилась первой. Опустив лицо под личиной, мерно стуча колотушкой в бубен, Лютава вскоре увидела, как та робко вышла из тьмы и двинулась к ней по едва видимой тропке. Выглядела она ужасно – на горле рваная рана, пояс тоже порван, кожух распахнут, вся одежда спереди залита кровью. Платок и повой исчезли, разлохмаченные косы сползли набок и свисали с головы на плечо нелепой петлей.

– Стой! – приказала Лютава и наставила на нее колотушку, будто копье.

Душа замерла на месте, дрожа, как лист под ветром.

– Назови свое имя!

Душа замялась, дрожа еще сильнее, окровавленные руки поднялись к груди, будто хотели стереть с нее ужасные пятна.

– Ты – Овица, Выполза дочь, Рябушина внучка, Пищулина жена? – Лютава заранее выяснила у женщин все родственные связи погибшей.

– Да... я... – Душа наклонила голову, принужденная отвечать. – Загубил меня лютый зверь... Выпил кровь мою... мужа вдовцом оставил... малых детушек – сиротками... не дал мне веку дожить, на земле догулять... Сроку мне было еще восемь лет, теперь не могу с земли уйти, покуда не доживу их... Хотела выйти – а он наскочил... И не опомнилась, а уже все...

– Ты уйдешь в Навь, – непреклонно возразила Лютава. – Я провожу тебя.

И прыгнула вперед, одновременно принимая облик волчицы.

Душа Овицы истошно взвизгнула и отшатнулась. Дрожа, побежала по темной тропе, спасаясь от ужасного зверя; но Лютава в три прыжка догнала ее, схватила, как волчица хватает овцу, перебросила через спину и устремилась вперед.

Она бежала через лес, который спускался, будто по склону горы. И вдруг замерла: ей навстречу из темноты выскочил волк.

Лютава сразу узнала его, хотя никогда не видела. Крупный матерый зверь, одетый в роскошный зимний мех, серый с черноватыми переливами, был бы красив на загляденье – если бы не жесткая, свирепая тоска в желтых глазах. Он загородил ей дорогу и грозно зарычал, показывая клыки. Сама эта тоска его взгляда могла ранить. Жажда крови обидчиков привела его на грань Нави, куда любой волк может порой ступить, и дала силу бороться за свою месть и здесь.

Он не умел говорить по-человечески, но это было не нужно: здесь, в Нави, Лютава хорошо понимала его. «Это моя добыча! – говорило его рычание. – Отдай мне ее, или пожалеешь!»

Лютава попятилась. Душа Овицы у нее на спине забилась, застонала, запищала, пытаясь вырваться ради безнадежной попытки спастись бегством. Не зная, как быть, Лютава еще попятилась. Она не была уверена, что одолеет такого крупного соперника, к тому же добычу перед дракой придется бросить – лови ее потом заново!

Сзади кто-то стремительно приближался. Она сошла с тропы и бросила косой взгляд назад. К ним мчался белый волк – Лютомер. На спине у него тоже лежала добыча – душа замерзшего Беляты.

Больше не замечая Лютавы, волк-одиночка шагнул навстречу новому противнику. Лютомер на ходу сбросил свою добычу; Лютава прыгнула вперед и обеими лапами придавила душу Беляты к земле, чтобы не ускользнула. А сама приготовилась наблюдать за дракой, надеясь, что ее вмешательство не понадобится и нужно будет лишь не упустить какую-нибудь из пойманных душ, пока Лютомер расчищает дорогу.

Она уже приготовилась к тому, как упадет сердце при виде противников, сцепившихся серо-белым клубком; приготовилась смотреть, как они покатаются по невидимой земле, рыча и выхватывая друг у друга клоки шерсти из боков, как окрасится кровью шерсть на их мордах. И если Лютомеру будет грозить опасность, она бросит эти жалкие души и ринется на помощь своему брату!

Но не успели соперники схватиться, как на тропе между ними возникло нечто огромное, черное, будто клочок бездны. Они не сразу поняли, что это, а лишь вдруг перестали видеть друг друга. Изумленная Лютава, присев от страха, различила белые зубы, красные огоньки глаз...

Радомир!

А он повернулся к волку-одиночке и тоже зарычал. Был он сейчас вдвое крупнее серого и надвигался, словно туча.

Серый попятился, но продолжал скалить зубы. Радомир шел вперед, потом приготовился к прыжку. И когда он уже взмывал над тропой, серый прынул в сторону и исчез.

Радомир обернулся.

«Идите за мной! – велел он. – Я расчищу вам дорогу. Не тратьте времени на драки. Вам нужно спешить».

И помчался вперед.

Лютомер вновь подхватил с земли душу Беляты и побежал за Стражем Нави. Лютава со своей жалобно визжащей ношей едва поспевала за ними.

Радомир был здесь не гостем, а хозяином, и тьма расступалась перед ним, как вода перед носом идущей лодки. Лютава бежала изо всех сил, уже не имея возможности оглядываться по сторонам и лишь ощущая, как все глубже погружается в холодную тьму, куда не проникает уже ни единого проблеска жизни. Даже ей нельзя было оставаться здесь надолго, и она уже чувствовала, как тяжело ей дышать. Тьма Нави душила, словно вода.

Но вот впереди замерцало багровое сияние. Под ногами заскрипел пепел. Спереди повеяло жаром, и этот жар встал упругой стеной, не пуская дальше. У любого волхва, входящего в Навь, есть пределы, которых он способен достичь. Сама же Навь беспредельна.

«Давайте их сюда». Радомир остановился и обернулся.

Лютомер и Лютава сбросили свою добычу со спины и положили в пепел берегов Огненной реки. Радомир наступил лапой на обе души сразу – перед огромным черным волком, могучим духом Нави, обе казались не крупнее белок.

«Возвращайтесь и продолжайте свой путь, – велел он. – Вам нельзя медлить. Тот, кого ты должна встретить, – он посмотрел на Лютаву, – уже совсем близко. Еще немного – и ты услышишь о нем».

Наклонившись, он взял обе души в зубы. Потом повернулся и прыгнул. У Лютавы захватило дух – черной молнией Радомир пронесся над багряным пламенем реки, не освещавшим ничего вокруг, и пропал в черноте.

Лютомер толкнул ее плечом и мотнул головой: пора возвращаться.

* * *

На зимнем холоде крада остыла быстро, и старухи собрали обгорелые останки покойных в два горшка, чтобы назавтра высыпать в прорубь на реке. Хотя души двух погибших нечистой смертью и были отправлены за Огненную реку и не будут остаток жизни бродить близ мест гибели, хоронить прах на родовом жальнике все же было нельзя. Ради такого горя Лютомер решил освободить Рознежичей от дани за этот год и даже оставил им сорочок куницы – купить новую скотину, чтобы вновь завести стадо.

В сумерках Лютомер ушел из селища. И вскоре тишину густеющей ночи пронзил волчий вой. Но это был другой голос, не тот, что не давал Рознежичам спать в былые ночи. Белый Князь Волков, сидя на черном кругу Мариной Плеши, пел погребальную песню о серых детях Велесовых, не доживших свой срок. Он пел, созывая к себе их души, и вой его ложился дорогой лунного света, указуя им путь на Ту Сторону.

А на Той Стороне их встретит иной, молчаливый вожатый. Огромный, как грозовая туча, черный, как сама душа бездны, владыка Нави ждал их, и пламя Огненной реки пылало в его очах. И они пошли к нему – своему отцу и вожаку, что проводит их в новые уголья.

И вскоре второй голос присоединился к песне Белого Князя – голос серого одиночки. Они пели вдвоем, оплакивая, провожая и прощаясь. И снег валил с серых, как волчья зимняя шуба, небес, засыпая ровную цепь следов, уводящих за небокрай...

Больше никто на Гордоте-реке не видел серого одиночки и не слышал его тоскливой песни.

* * *

На другой день Лютомерова дружина тронулась дальше, вверх по Угре. Лютава сидела в санях и, полная воспоминаний о последних днях, безотчетно осматривала деревья на засне-

женных берегах. Но вместо этой белизны перед глазами ее стояла живая тьма – грозовая туча с багряным огнем в глазах, ее дух-покровитель в Нави – черный волк Радомир. «Вам нельзя медлить, – сказал он. – Тот, кого ты должна встретить, уже совсем близко. Еще немного – и ты услышишь о нем».

Не в первый раз она получала это обещание. Не один год миновал с тех пор, как дух-покровитель пообещал ей, утомленной ожиданием, что уже скоро. Скоро будет решена ее земная судьба, она родит сына, даст Радомиру новую земную жизнь и тем самым освободится от долга перед ним. В этом «уже близко» она уловила ту же тоску, что горела в глазах осиротевшего серого. Дух, живущий в Нави, так же жаждал нового воплощения, как одиночка – возвращения своей стаи.

И одиночка получит ее назад. Еще не миновало время волчьих свадеб – он отправился на поиски новой подруги, и весной в укромном логове зашевелился под серым отощавшим боком мохнатые комочки – его новая стая. И она, Лютава, тоже вот-вот услышит зовущий ее голос... На этот раз она верила: и правда, уже скоро.

Но судьба нечасто приходит в том обличье, в каком мы ожидаем ее увидеть.

До следующего притока – реки Волосты – было от устья Гордоты не так далеко: менее дня хорошего пути. Но еще за полдень спереди донесся свист Барсука: кто-то ехал навстречу.

Обоз продолжал двигаться, и вскоре Лютава увидела из саней, как приближаются двое: Барсук на лыжах и еще какой-то незнакомый отрок на лошади.

– Вот, говорит, из Доброхотина! – Барсук махнул Лютомеру на отрока. – Вести у них важные.

Лютомер поднял руку, и поводчики стали останавливать лошадей.

– Вот князь Лютомер! – Барсук важно указал отроку на жоака. – А вон боярин и родич его, Богорад.

Отрок соскочил с лошади и поклонился, с опаской поглядывая на волчью накидку Лютомера.

– Кто ты? – спросил Лютомер. – Откуда?

– Из Доброхотина я! – Отрок еще раз поклонился подошедшему Богоне. – Вы – гощенья княжьего дружина? Меня боярин Держигость в Рознежичи послал. На Гордоте всем людям сказать, чтобы они дальше сказали...

– Да что сказать-то? – не выдержал Богорад. – Что Держага за дурня такого нашел, что двух слов связать не умеет?

– Я зато на коне ловко... – обиделся было отрок, но вспомнил, перед кем стоит. – Прости, боярин. Прибежали к нам люди снизу, от боярина Даровоя, из Селиборля. У них там уж ведомо: идет по Жижале-реке смолянский князь с войском, дань берет, городцы разоряет!

– Смолянский князь! – почти в один голос повторили оба жоака. – Какой смолянский князь?

Оба невольно подумали о том князе, которого знали, – Велеборе. Но также всем было известно, что Велебор, старший князь днепровских кривичей, умер прошлой весной.

– Говорят, зовет он себя Зимобором, Велеборовым сыном. Говорят, городец Верховражье на Жижале с боем взял, боярина тамошнего, Окладу, смертью убил, старейшину пленил, городец разорил. Теперь сюда идет.

Все замерли, молча пытаясь осмыслить эти новости – как невероятные, так и пугающие.

– С боем взял? – повторил наконец Лютомер. – Он с войском идет?

– С огромным! Тьма-тьмушая... люди говорят.

Лютомер и Богоня переглянулись, будто спрашивая один другого: что это может значить?

Вспоминалось, как в начале минувшего лета в Ратиславль приехали вятичи во главе с княжичем Доброславом. Они ездили к кривичам-смолянам просить помощи и защиты от хазар, но узнали, что князь Велебор умер, а его место заняла дочь Избрана, провозглашенная

княгиней днепровских кривичей. Эти вести еще тогда весьма всех удивили, но у угрян нашлось довольно своих забот, и они почти забыли о смолянах. А напрасно. За недолгое время – неполный год – на берегах верхнего Днепра случилось немало важных событий².

– Зимобор... – хмурясь, повторил Богорад. – Это ведь Велеборов старший сын. Да, помню, двое у него было: Зимобор и Буяр.

– А мы думали, он умер! – Богонин сын, Любош, в удивлении сдвинул шапку на ухо. – Раз уж сестра на стол села...

– Куда же Избрана делась? – спросила Лютава.

Ответить никто не мог.

– Выходит, Зимобор Велеборович с того света воротился, а сестра туда отправилась, – произнес Лютомер. – Идет к нам старший князь за своей данью.

– А чего же сам-то сюда? – всплеснул руками Богорад. – И к чему городки разоряет? Или решил, что мы от смолян отложиться задумали?

– Вот мы и выясним. Пошли! – Лютомер махнул рукой поводникам, чтобы трогались в путь.

Все невольно ускорили шаг. Лютомер хмурился. Река Жижала входила во владения угрянских князей, и по давнему уговору дань с нее собирали они. Смолянские князья сюда не ходили. Если все сказанное отроком правда, выходит, новый смолянский князь нарушил уговор. Другое дело, если он, заняв отцовский стол, собирается объехать все подвластные земли – посмотреть их и показать себя. Но о таких поездках предупреждают заранее. И уж точно не берут с боем городцы, не убивают собственных данников.

Помня нрав Оклады, Лютомер не удивился бы, если бы оказалось, что тот первым стал нарываться на ссору. Но чтобы выяснить, как все было, требовались более надежные свидетельства. Лютомер надеялся, что в Доброхотине, городце в устье Волосты, он найдет людей, видевших смолян своими глазами. До Жижалы оттуда оставался всего лишь переход.

Но как бы там ни было, разбирать и улаживать это дело со смолянами ему – старшему сыну и наследнику Вершины.

– Лют! – вдруг окликнула его сестра.

Лютомер обернулся. Сидя в сани, Лютава смотрела на него огромными глазами – переменявшаяся в лице и явно потрясенная некой пришедшей мыслью.

– Что ты?

– А как ты думаешь... ты не думаешь... а что, если... – она никак не могла справиться с собой. – А что, если это он!

– Кто – он?

– Князь Зимобор! Мой... кого мне обещали!

Лютомер сбился с шага и протяжно просвистел. Уж не явился ли молодой князь Зимобор в землю угрян за невестой?

* * *

В такое тревожное время боярин Держигость расставил дозоры, и приближение Лютомеровой дружины обнаружили заранее. Когда она, уже в густых сумерках, приблизилась к городцу Доброхотину, у ворот вала их уже встречал сам Держигость и его люди: родичи боярина и старейшины селища. Немало народу толпилось поодаль: всем хотелось знать, кто приехал и что теперь будет. Но поскольку дружина пришла с верховий Угры, вражеской она быть не могла и народ не испугался.

² Об этом в книгах «Лес на Той Стороне» («Лесная невеста» и «Лесная невеста. Проклятье Дивины»).

Боярин Держигость был еще не старый, моложе сорока, крепкий мужчина с продолговатым лицом, основательными чертами и густой бородой. На нем был хороший кожух, крытый крашеной желтовато-бурой шерстью, а за тканый пояс он засунул топор в кожаном чехле – не столько ради надобности, сколько ради успокоения народа.

– Будь жив вовек, Вершиславич! – Узнав Лютомера, он пошел навстречу. – И ты, Богорад! Да вы никак знали, если целой дружиной снарядились?

– Что у вас слышно? – Лютомер подошел к нему. – Встретили твоего отрока: говорит, смолянский князь войной идет?

– Войной не войной, а Верховражье он с боем взял, – кивнул Держигость. – Прибежали к нам вчера в ночь люди оттуда.

– Что за люди? Показывай.

– Да ваши же! – усмехнулся Держигость. – Родичи.

– Наши родичи? – не поверил Богорад. – Они-то здесь откуда?

– Вам виднее. Княжий родич Толигнев и жена меньшая Вершинина. Жену-то я впервые вижу, а Толигнева давно знаю.

– А ну... – Богорад переменялся в лице.

С одной стороны тянулись дворы селища, где и жили доброхотинцы, а с другой темнели валы городца. Держигость повел пришедших за вал, в длинную избу-обчину, где уже устроились беженцы из Верховражья. Людей там было немало: десятка два. Горело несколько лучин. Войдя, Лютомер сразу увидел среди сидевших у стола старого знакомого – Толигу. Тут же рядом кто-то охнул; Лютомер обернулся и обнаружил Замилю.

– Вот вы где! – закричал Богорад, устремляясь вперед. – Толига! Сукин ты хрен! А мы гадаем, куда тебя и бабу встрешники унесли! Что, и Хвалис здесь где-нибудь?

Он огляделся, но смуглого лица второго Вершинино сына не приметил.

Толига в изумлении встал, переводя взгляд с одного знакомого на другого. Замиля тоже вскочила и прижалась к стене. Рукой она прикрыла нижнюю часть лица, словно пытаясь сдержать крик, в больших черных глазах плескался ужас.

Обе стороны были потрясены этой встречей: увлеченные последними событиями и мыслями о смолянах, друг о друге они забыли.

– Как ты сюда попала? – воскликнула Лютава и снова огляделась. – А Мируша где?

– Где Хвалис? – Лютомер подошел к Замиле ближе, и она сделала такое движение, будто надеялась всползти по стене под кровлю. – Вы ведь поехали к нему? – Он перевел взгляд на Толигу.

– Откуда они здесь взялись? – Богорад посмотрел на Держигостя.

– Говорю же: из Верховражья приехали. Эти – дня три назад, а Трескун со своими – вчера к ночи. Он и сказал, что там битва была. А вы и не знали?

– Хвалис в Верховражье? – спросил Лютомер у Толиги.

– Нет, – наконец подал голос тот. – Нет его там.

– А где?

Тут Замиля опомнилась.

– Я не знаю, я ничего не знаю! – громко запричитала она, будто хотела быть услышанной всем Доброхотином. – Горькая моя судьба! Мой несчастный сын! Я не знаю, не знаю, где он сейчас! Я искала его! Я пустилась искать его, потому что мой муж не мог... стал опасен... мог погубить меня, а где искать защиты бедной женщине, как не у своего сына, единственного мужчины, который жалеет ее! Мой сын! Где же ты? Приди и защити твою мать, которой везде грозит гибель!

Она закрыла лицо руками и разразилась громкими пронзительными рыданиями.

– Прекрати! – резко осадил ее Лютомер, и хвалиска замолчала. – Толига! Вы из Верховражья? Что там происходит? Это вы рассказали, что смолянский князь Зимобор разоряет нашу землю?

Лютомер и Богоня прошли к столу и сели. И Толига наконец рассказал, что случилось. Он и правда привез Замилю с дочерью в Верховражье, где надеялся найти Хвалиса. Но позже Хвалис уехал, а вскоре после того пошли слухи о приближении по Жижале полюдья нового смолянского князя, который сам пришел за данью туда, где всегда собирали ее только угрянские князья. С низовой Жижалы приехали беженцы, искавшие защиты у Оклады и тем самым его предупредившие. Кое-кто из этих людей явился сюда вместе с Толигой, и Лютомер сам выслушал их. По их словам, смолянский князь брал именно столько – двадцатую часть от их годовых прибытков, сколько ему и причиталось. Только собирал свою долю сам, не дожидаясь, пока ему ее привезут в Смоленск, и попутно угрянам приходилось давать корм его дружине. Тем, кто подчинялся добровольно, смоляне зла не делали. Тем не менее Оклада отверг требования и решил затвориться в городце. Видя такой оборот дела, Замиля потребовала, чтоб ее снова отвезли к сыну. И Толига быстро согласился, понимая, что у Оклады не много надежд устоять против целого смолянского войска, и вовсе не желая оказаться запертым в городце. Поэтому Замиля вновь пустилась в путь, прихватив самое ценное из своего добра. Амиры с ней не было – девушку оставили в семье Оклады в знак того, что «молодой князь Хвалислав» не отказывается от уговоров.

– То есть что же – она там со смолянами осталась? – спросила Лютава.

Амира все-таки приходилась ей сводной сестрой, и ее саму было не в чем упрекнуть.

– Какие же у вас уговоры? – Лютомер посмотрел на Толигу, дивясь оборотистости младшего брата. Не ожидал!

– Да вот... – Толига посмотрел на Замилю, – Мирушку, сестру вашу, за Окладиного сына сговорили.

О том, что сам Хвалис обручился с Окладиной дочерью, именовал себя уже почти что угрянским князем и в таком качестве раздавал лестные обещания, Толига предпочел умолчать.

Из всех, кто сейчас находился в Доброхотине, смолян своими глазами видели только Трескун и его родичи – жители верховражского селища. Когда смолянская дружина заняла селище, его обитатели большей частью укрылись в городце вместе с Окладой, иные разбежались по округе. Трескун тоже поначалу нашел прибежище на ближней заимке, выжидая, что будет. И ночью после прихода смолян сам Оклада со своей дружиной сделал вылазку и напал на пришельцев. Состоялась битва среди метели, когда никто почти не знал, где враг, а где свои, но к утру в городце были уже смоляне. Где Оклада, на тот час никто не знал, но само его исчезновение означало скорее всего гибель. Тогда Трескун пустился дальше и добрался аж до Доброхотина, надеясь, что на саму Угру с Жижалы князь Зимобор не пойдет.

Но Лютомер не спешил разделить эти надежды.

Ратиславичи и старейшины Доброхотина проговорили до полуночи. На счастье Замили и Толиги, их родичи были слишком заняты мыслями о грозящем столкновении со смолянами, чтобы много думать о бегстве Замили из Ратиславля и даже о нынешнем укрытии Хвалиса. Самое важное, что все хотели бы знать: по праву ли Зимобор Велеборович называет себя князем днепровских кривичей? Посланные в конце весны из Ратиславля братья Хотеновичи в начале зимы вернулись: они виделись в Смоленске с новой княгиней, и она заверила, что все пойдет по-старому. Обещала зимой прислать посольство. А вместо этого явился ее брат, которого в Смоленске считали пропавшим бесследно. Каким образом княгиня Избрана потеряла власть и куда делась? По закону ли брат ей наследовал? Если Зимобор не признан смолянами и воюет с сестрой, то его появление здесь – тот же разбойничий набег, попытка ограбить свою соперницу Избрану и усилиться за счет принадлежащей ей дани.

И что в этом случае делать им, угрянам? На чью сторону встать? Если Зимобор взимает дань не по праву, то молодец Оклада, воспротивившийся незаконным поборам. А если Зимобор признан смолянами и лишь по каким-то причинам явился за данью сам – тогда непокорство Оклады могло ввергнуть все племя угрян в напрасную войну. Лютомер даже на миг пожалел, что Лютава так и не вышла за Бранемера дешнянского: у них был бы союзник в лице еще одного младшего кривичского князя, и хотя бы сестра находилась сейчас в безопасности.

– И если Зимобор – не законный нам князь, то и дани незаконной мы давать не станем, – объявил наконец Лютомер уже глухой ночью, когда все охрипли от споров и у всех звенело в ушах. – Тогда будем свое войско собирать. Но прежде... я сам с моей стаей вперед пойду. Хотя погляжу на это войско смолянское, расспрошу людей. А ты, Держигость, разошли людей куда сможешь, пусть мужики готовятся и зова моего ждут.

Вторая обчина была еще свободна, и дружина гощенья заселилась туда. Пока бояре и старейшины обсуждали дела, тут протопили очаги, теперь дым вышел, но крупные камни продолжали источать тепло. Лишние столы убрали, на освободившееся место постелили лапник, кошмы, овчины.

Несмотря на усталость, волнение не давало Лютаве заснуть. Завтра до рассвета стая должна была выступить вперед налегке, без обоза, и она собиралась с побратимами. Но для нее то, что ждало впереди, значило куда больше, чем для всех.

– Это может быть он! – шептала она Лютомеру, прижимаясь к нему под медвединой, когда бойники вокруг уже посапывали во сне. – Смотри, если он пришел воевать... или мы все-таки с ним помиримся... или он потребует невесту, как всегда требуют от младшего племени...

– Или он возьмет тебя в полон, – мрачно закончил Лютомер.

Оборот дела и впрямь мог привести к заключению между смолянскими и угрянскими князьями нового брачного союза – причем несколькими разными путями.

– Очень меня тревожит, какие мары унесли этого песьего Хвалиса, – с досадой продолжал Лютомер. О непутевом сводном брате он вновь вспомнил только сейчас. – Уж не там ли он – не у смолян ли?

– Тогда Замилька побежала бы туда, а не сюда! А если он там, то как бы Мирушку вперед меня за Зимобора не сосватали! – обеспокоилась Лютава.

– Он согласится, только если слепой, – утешил ее брат. – Зачем мне слепой зять!

– Но это же в Смоленск! – шепотом возмущалась Лютава. – Так далеко! Я не хочу жить у смолян! Я хочу остаться где-нибудь поблизости от тебя! Я всегда думала, что так и будет!

Она и правда надеялась, что грядущее замужество не слишком далеко уведет ее от брата, хотя трудно было представить, что загадочный жених найдется где-то в ближайших к Ратиславию селениях, – там ведь она со всеми знакома! Ей ли было не знать, что исполнение долга перед предками нечасто сочетается с нашими желаниями, – но человеку свойственно надеяться на лучшее даже вопреки рассудку.

Уже лет шесть – с тех пор как узнала о своем необычном жребии, – Лютава с нетерпением ждала встречи с женихом, но теперь, когда он оказался почти в двух шагах, вдруг испугалась перемен, которые перевернут всю ее привычную жизнь. Один раз она уже переживала примерно это же – когда ехала к Бранемеру на Десну, – но тогда предчувствия обманули. Однако Лютава не могла надеяться, что и второй раз выйдет так же! Ведь Радомир сказал ей, что она увидит жениха уже скоро, и вот – молодой смолянский князь, самый что ни есть подходящий жених, едет ей навстречу!

– Вот мы не понимаем, зачем он сюда идет с полюдьем, – продолжала она, – а он за мной идет! Может, ему тоже дух какой велел... или волхвы предсказали, или мать вещий сон увидала. Ты не знаешь, он ведь не женат?

– Я не слышал. Но я вовсе о нем ничего почти не слышал! Я думаю, идет он сюда, потому что с сестрой воюет – или воевал, – и ему добра нажать надо поскорее. Вот и не ждет, пока мы сами привезем.

– Или знает, что мы не ему дань повезем, потому что он не настоящий князь.

– Но он может оказаться настоящим твоим женихом.

Лютава помолчала. Да, Радомир никогда не говорил, что ее жених непременно будет каким-то князем. Достаточно, чтобы он принадлежал к древнему роду и хорошо знал своих предков.

Воображение мигом нарисовало ей княжьего сына – изгнанника, который ищет себе доли в чужом краю и женится на дочери тамошнего князя... Может быть, он и на ссору пошел только ради того, чтобы потом помириться и скрепить мир свадьбой!

В том сказании, где брат и сестра жили вдвоем в лесной избушке, случилось именно так. Однажды, когда брат был на лову, в дверь постучал заплутавший чужак...

Вот только уступать чужаку Вершинин стол, как это бывает в сказании, никто не собирався. У князя угрянского не только дочь – у него довольно сыновей. Даже больше, чем хотелось бы!

– Пусть это уже окажется он! – Лютомер повернулся и обнял ее с отчаянием перед потерей. – Хватит отодвигать неизбежное, мы только мучаем себя. Иди к нему. Поживи с ним, сколько нужно. А нужно-то меньше полугода. Когда ребенок зашевелится – Радомир сам позаботится, чтобы это случилось поскорее! – дух войдет в него, и твой плен окончится. Радомир выйдет из Нави в Явь и утратит власть над тобой. Он перестанет быть твоим духом-покровителем и станет твоим ребенком, понимаешь? Ты будешь владеть и повелевать им, а не он тобой!

Лютава замерла, пораженная этой мыслью. А ведь правда. На пятом месяце всякий плод в материнской утробе обретает дух. И когда Радомир вселится в тельце ее еще не рожденного ребенка, свое могущество обитателя Нави он утратит. И она из пленницы станет его полной госпожой, как всякая мать над своим чадом.

– А когда он родится, мы станем свободными, – тихо продолжал Лютомер. – Мы вырастим его вдвоем, ты и я. Как в древности, когда никто не знал своего отца и знать не хотел. И если у меня не будет жены, твой новый Радомир и станет моим наследником. Это нравится тебе, да?

Последние его слова обращены были не к Лютаве – он смотрел в темноту, будто надеялся встретить взгляд пары глаз, пылающих углями Огненной реки...

* * *

Дальше идти по реке было бы неосторожно, и стая двинулась на лыжах через лес. Дорогу им показывал Родима – четырнадцатилетний сын самого Держигостя. Вихрастый подросток отлично знал все тропки и прогалины в ближайшей округе Доброхотина и много раз бывал в Селиборле – последнем городце на Угре перед устьем Жижалы. С тамошним боярином Держигость ожидаемо был в родстве.

Но дошли они только до Ревуновой веси – скорее заимки из двух дворов, что стояла на ручье чуть поодаль от русла Угры. Предусмотрительный Родима завернул сюда, и оказалось, не зря: Селиборль уже был занят смолянской дружиной. Смоляне все же пошли на Угру.

– Что, битва была? – спросил Лютомер у хозяев.

– Не слышно, – покачал головой Ревун, старый ловец, живший тут с двумя женатыми сыновьями. – Тихо все. Боярин биться не стал, как друзей смолян принял.

– И что там теперь?

– Стоит дружина в Селиборле, по людям ходит, дань берет.

– У вас были?

– У нас были. Две лисы отдал, чего еще с меня взять?

– А полон из Верховражья с ними есть? – спросила Лютава. Она думала о детях Замили, которые вполне могли оказаться в плену у смолян.

– Слышно, что есть, но немного. Парни да девки.

– А кто? Чьи?

– Того не ведаем.

Бойники переглянулись. Было ясно, что узнать больше они могут только в самом Селиборле.

– А что, старче, вы бываете там? – спросил Чашоба у Ревуна.

– Чего мне там бывать?

– А люди бывают? Смоляне зла не чинят? Или хватают всех?

– Из Селиборля люди бежали? – спросил Лютомер.

– Не слышно, чтобы бежали. Как жили, так и живут.

– Надо хоть в селище зайти, – предложил Дедилла. – Давай я пойду, погляжу. Не разберут смоляне, тамошний я или чужой.

– А почему это ты? – возразил Хортотил.

Бойники загомонили: многим хотелось пойти.

– Я пойду! – Вперед шагнула Лютава.

Кое-кто засмеялся, приняв это за шутку. Но она не шутила.

– Я сама должна на него посмотреть, – продолжала она, обращаясь к брату. – Все равно мне судьба... так чего тянуть?

Лютомер перевел взгляд на Родиму:

– Проводишь?

Он не слишком боялся за сестру: если боярин Даровой принимает смолянского князя как друга, то едва ли тот станет ссориться из-за первой встречной девки, да и Лютава не беззащитна. Зато Лютомер понимал, как не терпится ей поскорее увидеть Зимобора и понять: он ли ее жених? И сам Лютомер хотел это знать не менее ее самой. Ведь как Лютава много лет жила в ожидании своей судьбы, так и он ждал встречи с тем человеком, который заберет у него самую дорогую для него женщину. Лютомер подумал, не пойти ли с ней самому, но отказался от этой мысли: он, мужчина столь необычного вида, неизбежно привлечет лишнее внимание.

И Лютава отправилась дальше вдвоем с Родимой. Шагая на лыжах по руслу реки к Селиборлю, чьи дымы уже виднелись над перелеском, она ощущала лишь волнение и нетерпение. Неужели это случится – еще до ночи она увидит своего будущего мужа?

Впервые она задалась вопросом, как сумеет его узнать. Он должен быть похож на Родимира – ведь однажды, минувшей осенью в избе ведуньи Лесавы, он явился ей в своем прежнем человеческом облике. Или нет?

А может, он сам ее узнает? Может, он и пустился в этот путь, чтобы найти свою неведомую невесту? Ведь сколько есть сказаний, как витязь идет на край света за обещанной суженой!

Селиборль выглядел почти как обычно: в селище никакого беспорядка, ворота вала открыты. Лишь вдоль реки стояло множество распряженных саней, которым не нашлось места в городце. Сани были нагружены мешками, возле них прохаживались сторожа, горело с десятков костров. В селище все было спокойно: женщины несли воду с проруби, мужики кололи дрова, дети играли и катались с горки у реки. У множества пробитых во льду лунок сидели рыбаки.

– Куда пойдем? – спросил Родима, когда они приблизились к крайним дворам. – Можно к дядьке Осеннику заглянуть, вон его изба. Или сразу к боярину пойдем?

– Давай у дядьки лыжи оставим. И пойдем к боярину. Смолянский князь ведь у него пристал небось?

– Как водится, – важно согласился Родима.

Они отвязали лыжи и воткнули в снег под стеной избы. Попадавшие навстречу жители Селиборля отвечали на поклоны Родимы, с любопытством глядя на Лютаву. Мало того, что никто тут ее не знал: волчий кожух мехом наружу сразу давал понять, что гостя явилась необычная.

Сам боярин Даровой, старейшина Селиборля, жил в городце. Городец вырос из святилища, поэтому от берега его отделял лишь невысокий вал, оборонять который и не было никакой возможности. Вместо частокола, как в Верховражье, там имелись лишь места для священных костров. Внутри стояли длинные обчины, а на конце мыса раскинулся двор Даровой. Туда Родима и повел Лютаву.

На площадке городца не оставалось свободного места: здесь тоже все было забито санями и лошадьми, стоявшими прямо под открытым небом. Тоже горели три-четыре костра, возле них сидели на санях или прохаживались смоляне – выговор их несколько отличался от угрянского. Ничего опасного или враждебного в них не было – если не считать невольной тревоги, которую само по себе внушает множество неведомых чужих людей, но к этому Лютава за свои долгие странствия и жизнь то среди вятичей, то среди дешнян уже притерпелась.

Ее появление сразу заметили: отроки и мужики оборачивались, толкали друг друга, показывали на нее. Иные что-то весело выкрикивали. Лютава отвечала на приветствия кивками, дружелюбно улыбаясь, но сердце ее от волнения билось так, будто сейчас оторвется. Стараясь выглядеть спокойной, она скользила взглядом по незнакомым лицам, всякий миг ожидая увидеть... *его*, того, кто будет не таким, как все, и в ком она сразу узнает своего будущего мужа.

По пути до боярского двора никого такого ей не попалось. Родима привел ее в самую большую избу, где челядь молола муку, девки перебирали что-то в решете, а у печи хлопотала невысокая, немолодая, полная женщина с красным лицом и красными руками.

– Стрыйка Долгуша! – окликнул ее Родима. – День добрый!

На его голос женщина обернулась, и Лютава увидела на ее очелье полоску красного шелка и два серебряных кольца по бокам – похоже, это была хозяйка.

– Это боярыня здешняя, а моего отца старшая сестра, – пояснил Родима. – Гляди, кого я привел!

Боярыня двинулась им навстречу, и Лютава поклонилась:

– Будь жива, матушка!

– Сказать? – Родима покосился на нее, потом наклонился к хозяйке: – Это князя Вершины дочь, из Ратиславля, князя Лютомера сестра. Пришла поглядеть, как вы тут, не обижают ли смоляне.

– Помню княжича Лютомера, – кивнула боярыня, с любопытством оглядывая Лютаву. – Где ж он сам?

– Неподалеку, – улыбнулась Лютава. – Послал меня посмотреть, как тут у вас дела. Где хозяин? Где сам князь смолянский?

– По весям поехали. Решили постоять у нас деньков несколько.

– Не обижают?

– Добрый человек князь Зимобор, приветливый. Уважительный такой.

– Так он в отъезде? – Лютава ощутила разочарование. – Скоро вернется?

– Да к ночи воротятся. Отдохни пока. Голодны? У меня теперь пир горой днем и ночью, во всякое время.

– Спасибо, матушка. А вот еще скажи: слышали мы, смоляне из Верховражья полон привезли. Девоч и отроков. Где они?

– Отроки в обчине, со смолянами. А девка одна.

– Кто? – Лютава помнила, что смоляне захватили вместе со всеми жителями Верховражья и ее сестру Амиру. – Как ее зовут? Какова собой?

– О боги, да вон она, – боярыня Долгуша обернулась и показала на лавку, где сидели девушки. – Игрелька, Окладина дочь. Вон, кудрявая.

Окладина дочь! Лютава подошла. Среди молоденьких белобрых дочек самой Долгуши сидела одна, непохожая на них: с кудрявыми русыми волосами, в явно чужой рубашке, слишком для нее широкой, и несколько замаранной вздевалке из белой шерсти, пережившей превратности пути. Ради недавнего сиротства она носила одежду швами наружу, не имея при себе настоящей «горевой сряды».

– Вот она, Игрелька Окладина, – указал на девушку Родима. – Я ее видал. Еще летошный год отец хотел ее мне сватать, да Оклада не отдал. Теперь вон смолянам досталась.

Он хмыкнул, а Игрелька, сверкнув на отрока сердитым взглядом, показала язык.

– Не дразни ее. – Лютава взяла отрока за плечо. – Нам потолковать надо. У бедной девки горе большое – сиротой осталась.

Она села рядом и взяла Игрельку за руку.

– Не бойся, девушка. Может, я твоим бедам помогу. Что, сгинул отец твой?

– А ты кто? – Игрелька с подозрением посмотрела на ее волчий кожаный.

– Я сестра княжича Хвалислава. Ты ведь знаешь его?

– Еще бы не знать! – Лицо девушки скривилось, будто она собирается плакать. – Еще бы мне жениха моего не знать! Вот ведь горемычная я! Отца лишилась, сирота я теперь горькая, от матушки родной увезли в даль далекую! Сулила мне судьба княгиней стать – а теперь везут в Смолянк полонянкой! Ой, матушка, чем я судьбу прогневила, за что мне такое горе-злостые Рожаницы направили!

Лютава слушала в полном изумлении. Жениха? Стать княгиней? Но, постепенно расспрашивая, выяснила всю повесть поразительных приключений Игрельки.

Началось все с приезда в Верховражье княжича Хвалислава. Он и сам по себе Игрельке понравился – был хорош собой и так не похож на остальных парней. Потом явилась его мать, «княгиня Замила», как ее, к недоумению Лютавы, называла девушка, и заверила: князь Вершина болен и вот-вот назовет Хвалиса своим преемником. И тогда Оклада решил обручить дочь с Хвалисом, не шутя надеясь увидеть ее угрянской княгиней.

Слушая, Лютава изо всех сил старалась не выдать своего изумления. О том, что у Вершины есть другой сын – Лютомер, превосходящий Хвалиса и годами, и знатностью материнского рода, Игрелька, похоже, вовсе и не знала. Да разве веселую девушку занимали эти скучные мелочи? На то родители есть, чтобы думать. Поэтому и Лютавы она несколько не боялась и не считала своим врагом.

Перед свадьбой мать снарядила Игрельку в Макошино святилище – принести жертвы, а оттуда отпустила к родичам в Занозино село. Занозино стояло ближе к верховьям Жижалы, и туда смолянская дружина нагрянула, как гром с ясного неба. Старейшины платить дань не пожелали, ссылаясь на бедность и неурожай, и тогда князь Зимобор решил взять свое попоном. Его отроки разбежались по селу, ловя девок и молодых парней, и в число их добычи попала Игрелька. Но никто не знал, кто она такая, никому из смолян и в мысли не входило, что у них в руках – будущая угрянская княгиня!

На деле занозинцы были не так бедны, как на словах, и тут же принялись шарить в закромах, отыскивая, чем выкупить своих плененных детей. В тот же день выкупили всех, кроме Игрельки. Ее одну привезли в Верховражье, где и выяснили, кто она такая.

Но Игрелька была не робкого десятка и не покладистого нрава. Первой же ночью, которую смолянская дружина провела в селище Верховражья, она сбежала через собачий лаз под тыном и устремилась по Угре к тому самому святилищу Макоши, куда ездила с жертвами. Ночь была ясной, дорогу она знала, да и заблудиться на реке нельзя. Бежать было не больше двух поприщ, так что побег ее был не таким уж безрассудным. Пропажу юной полонянки вскоре обнаружили, смоляне устремились в погоню, но она все же успела, уже у них на глазах, пробе-

жать за валы святилища – и очутилась в священном месте, под покровительством богинь, не доступная ни для какого принуждения.

Затаив дыхание, Лютава слушала, что было дальше. Князь Зимобор явился в святилище один, без дружины, и попытался уговорить местных жриц, во главе со старухой Крутицей – Игрелькиной двоюродной бабкой, – выдать ему беглянку. И ему это удалось!

– Он, видать, колдун какой, – угрюмо рассказывала Игрелька, за последние дни растерявшая свой игривый задор и беспечность. – Я и не поняла, что он им сказал. Вовсе ничего не говорил. Какое-то зелие у него при себе наговоренное – вроде венка, засохший, а как достал – по всей избе такой дух травы-молодильника, будто цветы рядом цветут. Положил на стол. Он молчит, и бабки молчат. А потом Крутица говорит: ну, коли так, забирай девку. Меня то есть.

Лютава невольно приоткрыла рот от изумления и волнения. Ей было трудно дышать. Все сходится – это он! Она не могла распознать по рассказу Игрельки, что за ворожкой владеет смолянский князь, но, судя по всему, у него есть какой-то сильный дух-покровитель. Как у нее самой, у Лютавы! А значит, этот дух и привел Зимобора сюда. Чтобы помочь ее отыскать.

Но, договорившись с Крутицей, Зимобор не стал забирать Игрельку из святилища, а позволил ей жить там, пока он не завершил все свои дела в Верховражье. А потом увез с собой. Однако, не будучи женатым, не пожелал взять ее себе, а собирался выдать за кого-то из своих соратников в дружине.

– Ранослав, сын... чей-то там, – выговаривая имя нового жениха, Игрелька морщилась, будто держа во рту что-то невкусное. – Вот что мне теперь удельницы направили на кривое веретено! Полагалось мне княгиней стать, а стану... Ох, где же мой Хвалислав! – В голосе ее зазвучали слезы, поползли по щекам. – Если бы только узнал он обо мне...

– Да где же его искать? – Лютава сжала ее руку и наклонилась ближе. – Неужели ты не знаешь? Я пойду найду его и расскажу, что его невесту любимую чужие люди в полон взяли и увозят в даль далекую. У него дружина есть – он придет да вызволит тебя!

– Думаешь, вызволит? – Игрелька утерла слезы и с надеждой посмотрела на нее.

– Само собой! Неужели он уехал, а куда, не сказал?

– Я слышала, хотел по верхней Угре и притокам проехать, людей собрать, – неуверенно ответила Игрелька.

– На Угре его нет. Мы там ехали – не встречали и не слышали. На Гордоте не знают про него... туда он бы не успел добраться. На Волосте разве что?

– Может, там, – вздохнула Игрелька. – Если бы только вызволил он меня... Ты можешь его найти?

– Я найду! – уверенно пообещала Лютава. Шустрого брата, который успел по всей верхней Угре объявить себя будущим князем, обязательно нужно было найти! – Передашь ему знак какой-нибудь?

– Знак?

– Ну, платочек... перстенок... чтобы он видел, что я встречала тебя и просьбу твою передаю.

– Только и есть у меня от него, – Игрелька показала хазарский серебряный перстень с огненно-рыжим самоцветным камнем. Лютава узнала его: прежде не раз видела на руке Замиля. – При обручении подарил мне.

– Отдай, я ему передам.

Игрелька вздохнула: расставаться с дорогим перстнем было жаль. Но уж очень ей не хотелось уезжать в Смолянскую землю и выходить там за какого-то Ранослава. Поколебавшись, она стянула перстень и вложила в руку Лютавы; та повесила его на ремешок своего ожерелья.

На Волосте! Там Хвалис тоже не появлялся, иначе Держигость знал бы об этом, а от него – и Замиля. Похоже, искать Хвалиса надо где-то в лесных лесах между Жижалой и Волостой. Не зря же и мать Хвалиса устремила именно туда!

В это время снаружи послышался шум, кто-то из челяди заглянул в избу и крикнул: «Приехали!» Боярыня Долгуша засуетилась, позвала девок, на стол потащили горшки, блюда и кринки.

– Приехали! – снова наморщив нос, повторила Игрелька.

А в избу уже с шумом и говором входили несколько мужчин. О боги! За этой беседой Лютава совсем забыла о князе Зимоборе...

Она хотела было спросить, который из них, но догадалась сама. Пожилой длиннородый мужчина с обширной лысиной, обнаружившейся под снятой шапкой, конечно, боярин Даровой; вот и Долгуша поклонилась ему: «Будь жив, отец», как всегда говорят матери семейства мужьям. За ним шел здоровенный, как медведь, мужчина помоложе, заросший темной бородой, с рябоватым лицом и высоким выпуклым лбом, говорившим об уме и упрямстве; но у этого вид был слишком угрюмый, о нем Долгуша не могла бы сказать «добрый, приветливый и уважительный». Третий был стройный парень со смуглым лицом, а вот четвертый...

– Ну, что, как моя беглянка? – послышался молодой веселый голос, и Игрелька неохотно встала. – Не сбежала опять?

Тот, что шел последним, с любопытством глянул на новое для него лицо в Селиборле.

– Здравствуй, князь Зимобор, – сказала Лютава в тот самый миг.

Годами он был, пожалуй, ровесником Лютомера или на год-два помоложе. Весь его облик дышал бодростью и здоровьем: даже в полутьме избы был виден яркий с мороза румянец на щеках, блеск карих глаз и русых с рыжиной кудрей. Округлое лицо можно было смело назвать красивым; горбинка на носу, явно оставшаяся после перелома, ничуть его не портила, а даже подчеркивала удаль. Но главное, это лицо источало оживленное дружелюбие ко всем вокруг; с первого взгляда на него казалось, что он явился в эту даль ради встречи с тобой и теперь очень рад тебя видеть! Лютава ни разу в жизни не встречала человека, способного с первого мгновения внушать любовь к себе безо всяких, казалось бы, усилий с его стороны. Это было похоже на колдовство, приворотные чары, а между тем никаких чар она на нем не чуяла.

– О! – Красавец тоже был удивлен встречей и вглядывался в Лютаву с напряженным вниманием, будто пытался сообразить, знакомы ли они. – Не сбежала... а еще подружку привела. Ты откуда, красавица? Ты разве здешняя? Я не видел тебя.

– Я не здешняя. – Лютава улыбнулась. Внутри ее творилось нечто странное: она как будто стала огромной, как бездна, но эту бездну стремительно заливало солнечным теплом. – Повидаться пришла.

– С кем же? – Зимобор подошел к ней ближе, явно радуясь знакомству.

– С тобой, князь Зимобор, – ответила Лютава, будто иного ответа не могло и быть. – Удивил ты нас. Никогда к нам на Угру не ходил, а тут вдруг явился.

– Так ведь прежде князем кривичей днепровских был мой отец, Велебор. А теперь я. Надо же мне свою землю обойти, людей посмотреть, себя показать.

– И как тебе наши люди?

– Хороши! – искренне ответил он. – Нигде лучше не сыскать!

– Оттого и подружку мою с собой забрал? – Лютава кивнула на Игрельку. – Она ведь здесь была просватана, а ты ее увозишь за высокие горы, за быстрые реки.

– А хочешь, и тебя возьмем, – улыбнулся Зимобор, но в этом было приглашение, а не угроза. – У меня в дружине женихов много, на всех девиц угрянских хватит. Вон хоть Красовита взять, воеводу моего, – он кивнул на мрачного мужика с рябоватым лицом. – И родом знатен, и отважен, витязь хоть куда.

Мрачный мужик насмешливо фыркнул, а вперед выскочил рослый, стройный парень, в лице которого угадывалось что-то степняцкое, хазарское:

– А то еще я! Я готов!

– Нет, княже, – Лютава покачала головой. – За воевод и отроков не отдадут меня родичи. Разве что ты сам посватаешься.

От гулко-го стука сердца, отдающего в ушах, она сама едва слышала, что сказала. Она искала в Зимоборе какой-нибудь тайный знак – как в сказании, руки по локоть в золоте, ноги по колено в серебре! – дабы точно знать, что это он, ее суженый. Но ничего такого в нем не было, парень как парень, хоть и всем взял. Ни звезды во лбу, ни месяца в затылке... и в то же время она не смогла бы и нарочно придумать жениха краше и приветливее. Скажи он ей сейчас: «Да, это я!» – она поблагодарила бы чуров и подала ему руку.

– У меня уже есть невеста, – сказал он, и это был почти тот ответ, которого Лютава ждала.

Ведь и она уже шесть лет знала, что у нее есть жених.

– Где же она?

– Я не знаю, – сказал он, и это было будто эхо разговоров, которые Лютава мысленно вела со своим неведомым женихом все эти шесть лет. – Хожу вот, ищу.

– Думаешь у нас тут найти?

– А вдруг повезет?

– Может быть, – многозначительно ответила Лютава.

Они смотрели в глаза друг другу; Лютава едва дышала от волнения, но и Зимобор явно был растревожен этой встречей. В глазах его отражалось напряженное внимание, будто он вдруг заподозрил, что все куда сложнее, чем казалось.

Или он тоже ищет звезду у нее во лбу? Ожидал встретить голубоглазую деву, с румянцем, будто заря, и волосами будто из солнечных лучей, а теперь не может узнать ее в волхве, покрытой волчьей шкурой?

От этой мысли Лютаве стало смешно. Похоже, Зимоборов дух-покровитель так же водит его в тумане, как Радомир – ее: по невесту послал, а куда – не сказал.

Видя, что она смеется, Зимобор охотно засмеялся тоже, и ей стало легче.

– Пора мне, – выговорила Лютава, очень боясь, что кто-нибудь ее спросит о причине хохота. – Увидимся еще, княже. Как поедешь мимо – заходи в гости.

– Где же ты живешь? – Зимобор взял ее за руку, будто хотел задержать.

– Вниз по Угре. – Лютава отняла руку. – Не минуешь нас. А если что, мы встречать вышлем.

И выбежала наружу, быстро поклонившись Даровой и его боярыне.

Родима околачивался возле избы, ожидая ее. Лютава проскользнула мимо и кивнула ему на ходу. Пробравшись через двор – теперь здесь стало еще теснее, так как вернулась ездившая с Зимобором часть дружины, – они вскоре оказались в селище, где возле Осенникова тына дожидались их лыжи. Смоляне смотрели им вслед. Но уже вечерело, и вскоре две проворные фигурки на лыжах канули в снеговую тьму.

* * *

Всю дорогу Лютава бежала как могла быстро, будто за ней гнались. Она не боялась, что кто-то станет ее преследовать, но от кипевшего в крови возбуждения хотелось не просто бежать, а лететь. Теперь и впрямь случилось нечто, что изменит всю ее жизнь, и ее терзали одновременно жажда будущего, прихода которого она так долго ждала, и нежелание расставаться с прошлым. Ее властно тянуло в две стороны, и она неслась, будто метель, стараясь убежать от этого разлада.

Уже настолько стемнело, что без Родимы Лютаве нелегко было бы найти Ревунову заимку. Там никто не спал, ожидая ее; едва они приблизились, как дверь избенки открылась и ей навстречу вышел Лютомер. С хохотом она бросилась ему на шею, но чуть не упала, запутавшись в лыжах, и уцепилась за него. Лютомер поднял ее, оторвал от земли и крепко прижал

к себе, будто не надеялся больше увидеть. И только потом поставил, присел рядом и стал отвязывать лыжи с ее черевьев.

Когда ее привели в избу, отогрели и напоили горячим отваром хвои с земляничным листом, Лютава наконец смогла хоть что-то рассказать. И сама поразилась: как много впечатлений она вынесла из своего похода в Селиборль и как мало сведений! Она повидала князя Зимобора и убедилась, что он хороший человек... ей так показалось. Она могла подробно описать его внешность и повадку, но не выяснила ничего, что было действительно важно: по праву ли он называет себя князем днепровских кривичей, как разобрался со своей сестрой Избраной и куда она делась, зачем собирает дань сам? На уме у Лютавы было лишь то, что Зимобор, подобно ей, ищет свою судьбу и что ей очень нравится такая судьба, какую он воплощает. Собственно, за этим она и ходила. Его облик, речь, взгляд переполняли ее мысли, не оставив места ни для чего другого.

– Это он! – твердила она. – Я знаю, это он!

– Ладно, давай спать! – велел Лютомер, послушав ее довольно бессвязные восклицания. – Завтра до зари пойдем назад в Доброхотин, а там, пожалуй, мы с Богоней сами с Зимобором повидаемся.

– Хвалис-то хоть у него? – спросил Чащоба.

– Нет. Там никто про него не знает... кажется. Зато я видела его невесту! – вспомнила Лютава.

– Чью?

– Да Хвалиса!

Наконец-то она сумела поведать нечто стоящее: насчет Игрельки. Даже показала перстень Замили.

– О боги! – Лютомер прижал ладонь ко лбу. – Вот почему Оклада так расхрабрился! Он себя видел уже тестем угрянского князя! Нет, не будет мне покоя, пока я этого зайца не выловлю! Да, а Мирушу ты видела? Она тоже там?

Но, посмотрев на сестру, Лютомер обнаружил, что она уже спит...

Глава 3

– Объявилась ваша пропажа, – усмехнулся боярин Держигость, встречая Лютомера с сестрой и бойниками перед воротами Доброхотина.

В городце они сразу увидели Хвалиса: с матерью и Толигой он стоял перед дверью обчины. Не очень-то он жаждал этой встречи, но бежать было больше некуда. Необходимость защитить мать придала ему духу; он не был трусом, он лишь вечно сомневался в себе и своем достоинстве, в котором ему отказывали с самого рождения. Но достоинство, в отличие от смелости, можно добыть в борьбе.

Глядя, как из ворот вала на площадку городища затекает эта стая – два десятка серых волчьих шкур, – Хвалис испытывал не страх, а только досаду и ненависть. Вот эти два лица впереди – такие схожие меж собой, со своими серыми волчьими глазами. Целых полгода он был от них свободен и надеялся стать человеком не хуже других. Но вот все надежды рухнули, а волки снова здесь – пригнали его мать, будто косулю, и сами явились по следу. Хвалис не мог обвинить детей Велезори в разорении Верховражья и гибели Оклады, но не мог и избавиться от чувства, что и в этом, как во всех невзгодах его жизни, виноваты они.

Лютомер незаметно сжал руку Лютавы. Это означало повеление молчать: он будет говорить сам.

– Будь жив, младший брат, – кивнул Лютомер Хвалису. – Не скажу, что рад тебя видеть, но нынче не время старые раздоры вспоминать. Знаешь уже, что пришел к нам смолянский князь с войском?

– Будь жив, старший брат. – Хвалис с явным усилием заставил себя поклониться.

– Идемте в обчину. – Лютомер обернулся к Держигостю: – И старейшину созови. Буду с людьми говорить.

Знаком показав, что к Хвалису и его спутникам приглашение тоже относится, Лютомер прошел в обчину. Лютава тайком рассматривала Хвалиса: она не видела его полгода, и теперь ей казалось, что он сильно изменился. Даже как будто стал повыше ростом. Может, причиной тому сорочка с непривычной вышивкой – невестин подарок на обручение. Сам Хвалис за полгода вольной жизни среди людей, которые уважительно именовали его княжичем и даже видели в нем, возможно, своего будущего господина, переменялся. Он будто поднял голову и теперь смотрел не исподлобья, а открыто и гордо. Пожалуй, это ему шло.

Лютомер сел и положил руки на стол. Пока все собирались и рассаживались, он молчал и вертел в пальцах что-то маленькое. Приглядевшись, Хвалис переменялся в лице: он узнал хазарский перстень с сардием – дар своей матери, которым обручился с дочерью Оклады.

– Откуда это у тебя? – Он подался к Лютомеру, пытаясь выхватить из его руки перстень, но тот с истинно звериным проворством сжал его в кулаке и так глянул на младшего брата, что тот опомнился и отошел.

– Сейчас все узнаешь, – с прежним высокомерием ответил Лютомер, давая понять, что Хвалису придется подождать более уважаемых людей.

Покраснев от досады, тот сел возле матери. На лице Замили сменяли друг друга то гордое, то жалобное выражение. Она никак не могла решить, кто она сейчас: любимая жена хворающего князя и мать его наследника или же бедная одинокая женщина, которую со всех сторон обступили беды.

– Смолянский князь Зимобор – старший сын Велебора, но дань берет он не по закону, – начал Лютомер, когда все уселись и выжидательно уставились на него. Здесь были старейшины Доброхотина, жители округи и беженцы со стороны Жижалы, включая дружину, которую сам Оклад собрал для Хвалиса. – Послов он к нам не слал, об утверждении на столе отца не объявлял, старых dokonчаний с малыми князьями не подтверждал. А потому мы, угряне, имеем

право в дани ему отказать. Он об этом знает, поэтому пришел в землю нашу с войском. У старейшин берет детей в залог и с собой в Смоленск увозит. В Верховражье боярина Окладу, его людей в битве убили, и взяты у Оклады двое детей: дочь Игрелька и сын Переслав. Также и у других старейшин взято еще четверо отроков.

Об этом Лютомер узнал не от Лютавы, а от Родимы, который не зря болтался в Селиборле по двору и там повстречал знакомого ему Переслава.

При упоминании Игрельки Хвалис снова переменялся в лице и невольно вскочил. Девушка нравилась ему, и он охотно дал согласие на ней жениться; но главное, в ней заключались его надежды на поддержку и куда лучшее будущее, чем ждало в Ратиславле.

– Моя сестра видела в Селиборле Окладину дочь и говорила с ней. – Лютомер оглянулся на Лютаву, и та кивнула. – Вот перстень обручальный! – Лютомер поднял кольцо с сардием, чтобы всем было видно. – Прислала она его назад своему жениху, Хвалиславу, моему меньшому брату, и велела сказать: нет у нее отца более, что обручил их, и везут ее, полонянку, в Смоленск, там за иного мужа хотят выдать. Поклон свой передала прощальный, просила лихим словом не поминать.

И пустил перстень катиться по столу в сторону Хвалиса: тот едва успел поймать.

По обчине пролетел тревожный и недовольный гул.

– Что делать будем, угряне? – Лютомер возвысил голос и обвел пристальным взглядом бородатые лица старейшин, среди которых яркими пятнами светлели лица Замили и ее сына. – Признаем поборы незаконные? Будем отдавать детей, дочерей и сынов наших смолянам в холопы? Стерпим бесчестье?

Лютава сидела, застыв от изумления. Понимая, куда клонит Лютомер, она не понимала, *почему* он это делает. Зачем толкает угрян к войне со смолянами?

– Я не стерплю этого! – Хвалис вскочил, сжимая в кулаке перстень. – Я освобожу мою невесту! И отомщу за ее отца.

– Вот это уже дело! – Лютомер наклонился над столом в его сторону. – Если ты сделаешь это, я буду знать, что ты не мальчишка, которому лишь бы подглядеть, как девки купаются. Если ты отомстишь за смерть Оклады и вернешь его дочь, то я признаю твое право на все его наследство. Понимаешь? Ты будешь боярином Верховражья, и я поддержу тебя против всех, кто пожелает твое право оспорить.

Народ снова загудел, но уже скорее одобрительно. Оклада, известный заносчивым и вздорным нравом, никому тут не нравился. Но близкие к Лютомеру люди были равно изумлены: и Лютава, и стая, и сам Хвалис. Всю свою жизнь Хвалис слышал лишь о том, что ему не положено и недоступно. Сейчас сам старший брат, его главный соперник, вслух и при людях объявил, что он, Хвалис, имеет кое-какие права! И согласился эти права не только признать, но и поддержать.

– Я клянусь! – Хвалис поднял руку с зажатым в ней перстнем, призывая богов в свидетели. – Я освобожу мою невесту и отомщу за смерть ее отца. Или пусть я погибну!

– Но и ты, Лютомер, поклянись, что исполнишь обещанное, – добавил Толига, настороженно поглядывая на непривычно «доброго» сына Велезоры.

– Я – будущий угрянский князь. – Лютомер посмотрел на родича. – Если я сказал слово при богах и людях, мне нет нужды подкреплять его клятвами. Или какой же я князь, если мое слово ничего не стоит?

До ночи в обчине обсуждали замысел. Довольно скоро выяснилось, что Лютомер и его стая принимать участия в схватке не намерены.

– Я могу отбить твою невесту, – насмешливо ответил он на вопрос Хвалиса. – Но тогда это будет уже *моя* невеста.

– Да уж, поищи себе жены где в другом месте, – бросил Хвалис. – Эта – моя!

На уме у него было: ведь сын Велезоры, хоть и давно зрел годами, жены до сих пор не взял и из лесу «в люди» пока не вышел. И если он, Хвалис, успеет жениться первым, то старшим сыном Вершины станет он! И посмотрим, одно ли Верховражье в конце концов ему достанется...

Когда обсуждение было закончено и замысел обговорен, стая ушла в свою обчину, собираясь спать. И только там Лютава взяла брата обеими руками за шкуру на груди, подтянулась ближе к его лицу и прошептала:

– Лют! Что ты делаешь?

В ответ он обнял ее, прижал к себе, наклонился к ее лицу вплотную.

– Я хочу, чтобы оба они показали, чего стоят. Один из них докажет, что заслуживает жить на свете. А второй... Я не отдам тебя кому попало, пусть он хоть трижды смолянский князь.

* * *

Исход испытания, затеянного Лютомером для обоих соперников, превзошел все его ожидания. Стая, не собираясь ввязываться в драку, ждала ее исхода в Доброхотине. Дружина Хвалиса, собранная из людей его и Держигостя, отправилась навстречу смолянам еще утром. День прошел в томительном ожидании, и не раз Лютомер пожалел, что остался так далеко от места событий. И вот глубокой ночью первым вернулся Толигин старший сын Утешка с пятью отроками.

– Привезли! – ликующе закричали у ворот вала. – Девку привезли! И самого князя смолянского в полон взяли!

Лютомер переменился в лице; Лютава от этого известия чуть не села на пол. Такого недоверчивого изумления на лице своего уверенного и сдержанного брата она не видела никогда в жизни. Не веря своим ушам, Лютава тем не менее готовилась к невозможному. Хвалис, их несчастный Галчонок, одолел и взял в плен самого князя Зимобора? Сделал то, за чем его посылали, – и гораздо больше? Так, может, боги и впрямь на его стороне – кто бы мог ожидать?

Какими глазами они теперь взглянут ему в лицо – сыну чужеземной рабыни, которого всю жизнь презирали? И Зимобор теперь пленник Хвалиса? Может быть, тот и подарит Лютаве ее загадочного жениха – если пожелает! А может, велит в Угре утопить – имеет право!

Только бы Хвалис не узнал, что Зимобор так сильно ей нужен, – пронеслось в голове у Лютавы. Потому что если узнает – Зимобору точно не жить.

А Замиля уже спешила, с развевающимися полами бобровой шубы, навстречу вестникам.

– Мой сын победил! – кричала она и даже поминала неведомого бога своей юности, вспомнив его в самый радостный час жизни.

Пленных привезли несколько человек – четверых или пятерых. Выбежав к воротам, Лютава и впрямь увидела Игрельку – растрепанная, со сдвинутым набок платком, в скособоженном кожухе, та стояла возле Утешки. Лицо у нее было злое, со следами слез. Какие-то тела волокли в клеть. Доказательства успеха были налицо.

Понимая, что дружина смолянского князя превосходит и численностью, и оружием, и умением, угрянские бояре придумали взять хитростью. Замысел был дерзок и много обещал в случае удачи. Смоляне уже покинули Селиборль и двинулись дальше по Угре; на пути их и подстерегала засада. Первым пошел Толига с сыновьями и еще десятком человек. Притаившись на высоком берегу Угры, они обстреляли из луков передовой отряд смолян, не показываясь на глаза. Потерь удалось нанести не много, но смоляне, как и ожидалось, отступили. Собравшись вместе, они послали людей на берег – отогнать стрелков. Вспомнив юность, проведенную в бойниках, Толига дал себя увидеть и сам отступил в лес, заманивая противника за собой, а там пустился бежать по замерзшему ручью.

А пока часть смолянской дружины ловила в лесу Толигу, сам Хвалис с основными силами ударил по реке навстречу. Среди прочего добра Замиля привезла из Ратиславля шлем и кольчугу, которую Вершина подарил Хвалису прошлым летом, перед походом на вятичей, и тот выглядел князем не хуже других. Одновременно Толига, сделав петлю, вышел в тыл смолянам – к их обозу. Честно сказать, добыча привлекала Хвалиса не менее, чем невеста и месть: смолянский князь обошел уже половину своей земли и вез с собой множество ценных мехов.

Ударив в лоб, после скоротечной схватки Хвалис отступил, и часть смолян устремилась за ним. Вернуться им не дали: пропустив передовой отряд, угряне обрушили на лед пару заранее подрубленных деревьев. Смолянам оставалось только гибнуть у завала при попытке перебраться через него назад, к своим. Там-то успевший вернуться Утешка и подстерег их вожака, в кольчуге и шлеме: изловчился, сидя на завале, ударить топором по голове, повязал и увез.

Уже в темноте продолжалась битва у обоза. Нашли Игрельку, и в общей суе не кто иной, как Родима, затащил ее на лошадь, взятую у смолян же, и ускакал прочь с визжащей и дрыгающей ногами девкой – она даже не поняла, что происходит.

И вот теперь Утешка и Родима с десятком соратников вернулись, лихорадочно хохоча от радости первой настоящей победы.

– А сам Хвалис где? – кинулась к ним Лютава.

Те переглянулись.

– Да мы не видели его, – растерянно ответил Утешка. Упоенный собственным успехом, про княжича он и позабыл. – Они еще бились, когда мы уехали. Скоро воротится!

– Пойдем, покажи...

Увидеть добычу жаждали все жители Доброхотина, и Лютомер едва расчистил сестре дорогу. Принесли огня, и Лютава прошла в клеть, где прямо на пол положили связанных пленных. Вся дрожа, она скользнула взглядом по вываленным в снегу кожухам, по разлохмаченным головам, но никого не узнала.

– Вот он! – Утешка показал на крупного мужчину, который хмурился и отворачивался от света.

Лютава наклонилась, ожидая увидеть лицо Зимобора, и ахнула. Перед ней лежал со связанными руками тот мрачный рябоватый мужик, которого она видела вместе с Зимобором в избе боярина Даровоя.

Она быстро оглядела другие лица, но Зимобора среди них не было.

– Это не он! – воскликнула она, не зная, радоваться или огорчаться. – Утешка, дурень! Кого ты приволок! Это воевода, а не князь!

– Да ну! А смотри, на нем кольчуга! Чем не князь? – Утешка разочарованно засмеялся. – Ну, тоже хорош карась! Воевода, говоришь?

Лютава вышла из клетки.

– Это не он! – повторила она ждавшему снаружи Лютомеру. – Не Зимобор. Воевода его, не помню, как звать.

На лице Лютомера отразилось облегчение, но он запретил себе радоваться раньше времени.

– Погоди. Вот Хвалис сам воротится, может, он там всех на месте перебил и весь обоз взял.

Ночь и утро прошли в тревожном ожидании. Участники набега возвращались по одному и кучками. Приехал Держигость, раненный в руку, рассказал о схватке с основной дружиной смолян: он отступил, услышав, что Игрелька увезена. Лихорадочное торжество Замиля перешло в опасения.

Вот рассвело. Почти в полдень вернулся Толига – последний из уцелевших. Хвалиса с ним не было, и он ничего о нем не знал. Приходилось признать: княжич или в плену у смолян, или убит.

* * *

В Доброхотине царило смятение. Было неясно, кого считать победителем в битве на реке, но вождя угряне потеряли, а это следовало назвать поражением. Замиля рыдала и причитала. Лютаве было ее жаль, да и обычай требовал присоединиться – ведь стигнул ее брат! – но она не могла себя заставить. Лютомер держался невозмутимо, хотя за этой невозмутимостью пряталось скорее удовлетворение, чем печаль. Было похоже, что он добился своей цели – избавился от Хвалиса. Возможно, тот мертв. Возможно, в плену. Но его попытка заявить о себе закончилась провалом и, похоже, станет последней.

Старейшины вновь собрались обсуждать, как дальше быть. Смолянская дружина, лишившаяся воеводы и потрепанная битвой, находилась совсем близко – за полперехода отсюда. Еще ночью Лютомер послал десяток бойников с Дедилой во главе на разведку и выяснил, что смоляне после битвы заняли ближайшее к тому месту жилье: Корилину весь, поселение из десятка дворов. Сами Кориловичи, еще когда битва только началась, убрались оттуда вместе со скотиной и самыми ценными пожитками и теперь сидели в той же обчине Доброхотина, что и другие беженцы.

– Ждать не стоит, – говорил Лютомер. Теперь он оживленно взял на себя дальнейшее, будто избавился от досадной помехи в лице Хвалиса. – Раз уж начали, надо наступать сейчас, пока смоляне не опомнились.

– Мой сын! – стонала Замиля. – Он погиб из-за тебя! Ты послал его на смерть! Я так и скажу князю! Я скажу: ты послал на смерть его любимого сына! Он опомнится и покарает убийц моего сына!

– Я дал Хвалису случай показать себя, – ответил Лютомер. – Он ведь не ходил в бойники – ты же не пускала его! – и ему пришлось самому доказывать, что он уже не отрок.

– И теперь он мертв!

– Может быть, еще нет, – возразил Держигость. – Никто же тела не видел, а, Толига?

– Может, в плену, – печально кивнул Толига. – Может, ранен.

– Тогда я поеду за ним. – Замиля отняла руки от лица. – Я упаду в ноги Зимобору и буду молить отдать мне моего сына – живого или мертвого!

– Вот и правильно! – одобрил Держигость. – Пусть едет. Бабе ничего не сделают. Можно выменять того воеводу на Хвалиса... или его тело. А заодно предложить мир.

– Это дело! – оживились старейшины, чьи угодья оказались в опасности разорения. – И правда: хоть не князя, а воеводу и мы взяли! Нас без масла-то не съешь!

– Пусть Замиля едет. Что бы ни был за человек князь Зимобор, он не откажет в мольбе матери!

В тот же день Замиля в сопровождении Толиги и его сыновей отправилась в Корилину весь. Вернулась под вечер – живая, здоровая, плачущая, но весьма обнадеженная. Зимобор принял ее приветливо и охотно согласился на переговоры. Хвалис был жив и только ранен, причем легко: ему тоже досталось топором по шлему, он потерял сознание и в таком виде был найден смолянами. Сейчас он сидел, запертый в овине у Кориловичей. Зимобор готов был обменять его на своего воеводу, но требовал возвращения также Игрельки и двадцать гривен выкупа. Здесь Замиля была сама виновата: дабы придать себе весу в переговорах, она назвалась княгиней угрян, а Хвалиса объявила наследником Вершины. Не желая ссориться с угрянским князем, Зимобор согласился вернуть тому сына и наследника, но, ради уважения к себе, не мог выдать столь ценного пленника без значительного выкупа. Так что Замиля отчасти перехитрила сама себя.

Замиля кинулась считать свое добро: из Ратиславля она вывезла все ценные подарки, полученные от Вершины за двадцать лет. Украшения, цветное платье, дорогая посуда, меха

тянули гривен на двенадцать-пятнадцать, а недостающее она отчаянно вымаливала у Держигостя и старейшин округи. Они были не так уж богаты, но ради слез матери несли кто связку мехов, кто пару серебряных заушниц. Было похоже, что Замиля успеет собрать выкуп в оговоренный срок.

Лютомер молчал, но тоже чувствовал, что сам себя перехитрил. Мысль столкнуть лбами Хвалиса и Зимобора была хороша, а много раздумывать о ее последствиях он, охваченный ревностью, не мог. Он давно знал, что рано или поздно сестре придется за кого-то выйти замуж; но ему в голову не приходило, что она будет так близка к тому, чтобы влюбиться.

Впервые в жизни он смотрел в глаза Лютавы и видел там не свое собственное отражение, а образ другого человека. Сердце Лютомера переполняла нерассуждающая ярость зверя, у которого чужак пытается отнять подругу. Окажись в тот миг поблизости сам Зимобор – вцепился бы в горло, и плевать, к чему это приведет. Так пусть Хвалис попробует испытать свою удачу – и удачу Зимобора тоже. Один из них победит, другой проиграет – у него, у Лютомера, в любом случае станет на одного соперника меньше. Он не думал, что ставит под удар землю угрян, которой ему владеть в недалеком будущем. Сейчас он хотел владеть лишь своей сестрой, и пусть Зимобор окажется в ссоре с угрянами – тогда ему не очень-то удастся посвататься к их княжне.

«Но что же ты делаешь? – напоминал откуда-то из глубины памяти голос матери. – Ей так суждено! Она обещана своему духу-покровителю, и...»

«Пес его ешь! – резко отвечал этому голосу Лютомер. – Он ее не получит. Она останется со мной».

Теперь, когда разлука с Лютавой из дела далекого будущего превратилась в событие завтрашнего дня, стоящее на пороге, он понял, что не сможет этого пережить. И если его ждет схватка с Радомиром – ну, так и что? Ему ли бояться схваток? Дух Нави силен, но и его, Князя Волков и сына Велеса, тоже не в дровах нашли!

Замысел его вполне удался, но получил одно неприятное последствие. Зимобор теперь думает, что Замиля – угрянская княгиня, а Хвалис – наследник Вершины. А сам Вершина сейчас совсем не способен прояснить дело. Есть еще родня и старейшины, но если не вмешаться, то Зимобор – старший князь днепровских кривичей – успеет привыкнуть к мысли, что следующий угрянский князь – это Хвалис...

На плечо Лютомера сзади легла ладонь, потом руки обвились вокруг шеи. Не оборачиваясь, он накрыл ее руки у себя на груди своей.

– Что ты задумался? – шепнула Лютава.

– Слишком мы все запутали, – глядя перед собой, ответил Лютомер. Как всегда, присутствие Лютавы успокаивало его и вливало новые силы. – Кольцо... – Он опустил голову и посмотрел на руку Лютавы у себя на груди, где тускло сияло на пальце колечко, сплетенное из брусничного корня, но похожее на отлитое из бронзы. – Не потеряла, вижу.

– Еще бы я потеряла!

– В нем ведь сила Велесова на три приказа? Может, пришло время в дело его пустить?

– Что ты придумал? – Лютава наклонилась, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Хортим! – окликнул он старшего из отроков, который в это время был перед глазами. – Вели нашим собираться. Теперь наш черед к смолянам заглянуть...

* * *

Как ни мало походила Корилина весь на крепость, князь Зимобор не шутя держал оборону. Видимо, он решил сделать остановку, чтобы подлечить раненых и привести дружину в порядок. С десятков распряженных и разгруженных саней вперемешку с поваленными деревьями образовывали вал, отсекающий избы от леса. Со стороны ручья, зимой служившего

дорогой, частой цепью горели костры и прохаживались дозорные, снаряженные шлемами, топорами и щитами.

Пленники – Хвалис и еще несколько человек – сидели в Корилином овине, где тоже топились печка. Бойники видели, как смоляне понесли туда котел с каким-то варевом; у дверей сторожили двое, еще двое прохаживались вокруг. Уже однажды дозорные сменились.

Наблюдая за этим зрелищем с опушки леса на другой стороне ручья, Лютава дрожала, как в лихорадке. С ее братом что-то происходило, и его состояние отражалось на ней, как малейший проблеск света отражается на воде. И не сам Лютомер был тому виной. Что-то очень необычное творилось поблизости – настолько странное, что задевало даже их, немало встречавшихся с Навью.

Стемнело. Они притаились на опушке, шагах в пятидесяти от цепи костров и изб за ними, еще с сумерек, но Зимобор на глаза Лютаве больше не показался. А она очень хотела увидеть его еще раз. Вспоминая ту их единственную встречу, она удивлялась и себе, и ему. Здесь крылась тайна. Теперь, по прошествии времени, Лютава сообразила: в Зимоборе – или рядом с ним – находилась некая особенная сила. Пожалуй, она была права, когда заподозрила, что у него есть очень могущественный дух-покровитель. Вероятно, этому духу Зимобор и обязан своей способностью внушать привязанность и доверие любому. Накрыло даже ее, Лютаву! И чему дивиться, если Лютомер при виде этого потерял голову...

Эта загадочная сила и тревожила, и притягивала их, столь чутких к ветрам Нави. Лютава осторожно потянулась и сжала руку Лютомера. Она уже поняла, какое мучение ему причинило ее невольное восхищение Зимобором и убеждение, что «это он». Ведь это ей встреча обещала осуществление судьбы и открытую дверь в будущее, а ему – самую тяжкую потерю в жизни.

Вспоминалось, как больно задело ее минувшим летом восхищение в глазах Лютомера, когда он смотрел на Семиславу, княгиню верхнеокских вятичей. А ведь он не собирался брать ее в жены! Диво ли, что молодого здорового мужчину влечет к молодой красивой женщине! Ничего особенного между ними тогда не произошло, но сама мысль о том, что другая может потеснить ее в сердце Лютомера, причинила Лютаве такую боль, что она с трудом ее скрыла. Сколько ни корила она себя за недозволенные помыслы – они с Лютомером не могут прожить всю жизнь вдвоем в лесу, рано или поздно им обоим придется подыскать себе другую пару, – некий голос из дремучих глубин твердил: пусть лучше поздно. И сейчас ей уже казалось нелепым собственное увлечение Зимобором. Кто он ей? Что он по сравнению с ее братом?

Лютомер повернул голову и сделал знак Дедице. Тот махнул бойникам и, пригнувшись, сделал шаг. И два десятка фигур в волчьих шкурах, неразличимые в сумраке зимнего леса, двинулись вперед. Легонько поскрипывал влажный снег под ногами, в руках тускло поблескивали лезвия топоров...

* * *

Теперь они стояли во тьме леса вдвоем. Да еще вокруг них, полукольцом, мерцали зеленоватыми огоньками десяток пар волчьих глаз. Никто не звал их – серые лесные братья сами явились, притянутые тем же ощущением творящейся где-то рядом волшбы. А Лютомер сейчас многократно усилил ее.

В полосе света костров, перед избами Корилиной веси, шло сражение. Стоял крик, вопль и вой. Бойники дрались со смолянскими отроками: выскакивали из темноты, наносили удар, отскакивали... Застыв будто идол, Лютомер не сводил с дерущихся напряженного взгляда. А у смолян двоилось и троилось в глазах: на месте каждого из своих противников они видели нескольких и не знали, какой из трех одновременно наносимых ударов отражать. Пытаясь отбиться, они били в пустоту; перед глазами мелькало неясное движение, голова кружилась, они падали, сами не зная почему. Иным казалось, что они ранены; острая боль пронзала конечно-

сти, смоляне падали, чувствуя горячую кровь на руках и лице. А единственный их настоящий противник был невидим; стоя в снегу под елями, он неслышно шептал что-то, опутывая их чарами морока...

Мощный источник волшбы находился где-то там, в избах. Лютомер поймал лишь брызги этого потока, и ему хватило: без обращения к силе Велеса он легко черпал мощь Нави, поддерживая своих людей и мороча чужих.

– Хвалислав! – орали бойники, и чары превращали десяток голосов в сотню. – Хвалислав, держись, мы идем! Мы спасем тебя!

Эхо звенело над лесом, и мерещилось, что где-то рядом целое войско.

А Лютава тем временем не сводила глаз с дверей овина. Там был Хвалис, запертый и обезоруженный. Она отчетливо понимала: видя, что угряне напали и пытаются освободить знатного пленника, смоляне вполне могут убить его. Замысел Лютомера состоял не в этом, но подобное следствие мог иметь.

– Пора... – выдохнул Лютомер и повернулся к ней.

Положил руки на плечи Лютаве и заглянул ей в глаза.

Перед ней все поплыло. Чуть ли не с детства, едва узнав, что ее брат – оборотень, она и хотела, и боялась того, что сейчас произойдет. И вот пришло ее время.

«У тебя есть кольцо Велеса, которому дана его сила на три приказа, – говорил ей Лютомер. – Я сделаю тебя волчицей. Ты войдешь к Хвалису и укусишь его. И прикажешь обернуться волком. Тогда он будет целиком в моей власти. Пусть побегаёт на четырех ногах годик-другой. А там видно будет...»

Даже он, отчетливо сознавая, что от Хвалиса пора избавляться, не мог решиться на убийство кровного родича. Им позволено многое, но родовой закон неумолим. Они могли бы оправдаться тем, что Галица уже посягала на их жизнь – засунув заговоренную на смерть иглу в подаренный Лютомеру пояс, – но Замиля и тем более Хвалис не знали об этом, пусть злодейство и послужило бы к их пользе. И Лютомер не мог решиться сам пролить кровь сводного брата, пусть он и надоел ему невыносимо. У него было еще одно, крайнее средство избавиться от заботы.

Наклонившись к лицу сестры, он прижался лбом к ее лбу. И от этого прикосновения Лютава вспыхнула, будто каждая частичка ее тела рванула куда-то вдаль. Мир перевернулся, она растворилась в бездне и мигом собралась вновь, но как-то совсем иначе...

Деревья вокруг взмыли ввысь: теперь ее голова и глаза находились вдвое ближе к земле. Прямо перед глазами она видела снег – более ясно и отчетливо, чем только что, – ветки... хвою... две серые волчьи лапы. В грудь плеснуло множеством неведомых ей доселе запахов, звуки стали отчетливее.

– *Беги...* – гулко, будто с неба, прозвучало над головой, и чья-то рука мягко ударила ее по спине. – *Беги...*

Это было как голос божества. Не успев подумать, осознать произошедшее, Лютава устремилась вперед, одновременно ужасаясь непривычной необходимости бежать на четырех лапах и дивясь, до чего же здорово это у нее получается. Ей хотелось хохотать от возбуждения – но этого она не могла. Зато ликующий вой сам рвался из груди, и его она не могла сдерживать. *Беги... беги...* – гудело в ушах, будто сам лес, снег, небо и земля посылали ее вперед. Не оборачиваясь, она всем существом ощущала стоящую позади исполинскую фигуру Велеса – огромного, как вселенная, темного и могучего, как бездна. Он посылал ее вперед, и крошечная капля его силы кипела в ее жилах, чуть не разрывая избытком мощи.

В несколько прыжков она одолела опушку, перепрыгнула ручей, скользнула меж двумя крайними кострами и оказалась перед стоящим на отшибе овином. Дверь была приоткрыта, рядом валялось полузасыпанное снегом тело. Запах сразу сказал ей, что это не свой – кто-то из смолян, и что он легко ранен. Кровавой дух ударил в голову, будто медовая брага, но

Лютава помнила, зачем сюда пришла. С непривычки ей приходилось делать огромное усилие, чтобы не выронить из звериной головы человеческую мысль – хотя бы одну-единственную, – не дать завладеть собой звериным помыслом и порывам. Весь остаток ее человеческого разума – скорее тень разума – был сосредоточен на одном.

Хвалис. Найти. Укусить. Позвать за собой и бежать.

Она скользнула в дверь. Внутри было темно, но еще раньше, чем звериный глаз приспособился к темноте, звериный нюх сказал ей обо всем, что здесь есть. Ржаные снопы, солома – наверху, на жердях. Разогретая глина и камень, дымный дух – вон там недавно топленнная печь. Люди: пятеро. Один из них стоял возле самой двери, и это был Хвалис.

Невероятно, но он ее узнал. В дверную щель позади нее проникало немного света от ближайшего костра, и пленники, напряженно смотревшие на дверь, заметили зеленые огоньки волчьих глаз. Хвалис, стоявший возле самой двери и, видимо, уже готовый бежать, невольно отпрянул и бросился в дальний угол.

Лютава устремилась за ним. Ее зубы щелкнули возле его бедра, но Хвалис, будто подброшенный, подпрыгнул, уцепился за жердь, где сидели снопы, подтянулся и вспрыгнул наверх. Лютава тоже прыгнула, но немного промахнулась и лишь оторвала зубами кусок от полы его кожи.

Люди жались в другой угол и вопили, но до них ей не было дела. Она огляделась, отыскивая средство достать своего врага.

– Помогите! – во всю мочь кричал Хвалис у нее над головой. – Князь Зимобор! Смоляне! На помощь! Сюда, сюда!

Дверь распахнулась во всю ширь – за криками Хвалиса Лютава не слышала приближающихся шагов. В овин вбежал еще один человек, и она учуяла запах Зимобора еще раньше, чем сумела разглядеть лицо. Оказывается, слабое воспоминание об этом запахе хранилось где-то в дальнем углу ее человеческого сознания, а теперь расцвело таким ярким цветом, что она не могла бы яснее узнать смолянского князя даже при свете дня. На голове его был шлем – Лютава опять же раньше учуяла запах железа, чем увидела блеск, – а в руке меч.

При всей его храбрости и готовности к битве, Зимобор все же не ожидал наткнуться на зеленые огоньки волчьих глаз – и невольно отпрянул.

– Помогите! – вопил Хвалис со своего насеста. – Она убьет меня! Загрызет! Она пришла за мной! Убей ее, ну, что стоишь!

В дверь просунулся смолянский отрок – в руке его была горящая ветка, выхваченная из костра. Лютава невольно попятилась – ее звериную сущность отталкивало пламя.

Но тут же человеческий разум решительно взял вожжи. Видя, как оторопел ее противник, Лютава подобралась и прыгнула. Зимобор и отрок стояли между нею и выходом на волю. При виде ее движения Зимобор пригнулся; она летела над его головой, стремясь к черно-синему прямоугольнику двери, где дрожали отблески снаружи. Оброненная Зимобором ветка горела на полу.

И вдруг блеснуло железо клинка. Заднюю лапу обожгло болью... а потом показалось, что вся ее кровь одновременно ринулась наружу из растаявших жил. Она превратилась в облачко пара, будто русалка; от нее осталась вспышка боли и ужаса.

А потом навалилась огромная тяжесть. Лютава билась и кричала, не помня себя и ничего не понимая. Сам воздух давил на нее, будто груда камней; камни были внизу, с боков, везде. Кто-то схватил ее – она чувствовала прикосновение живых человеческих рук и только поэтому понимала, что, кажется, сама еще жива, – но ничего не сообщала от ужаса и боли во всем теле.

Перед глазами немного прояснилось. Над ней склонился Зимобор – такого потрясения она еще не видела в его лице. Он что-то говорил, но она не понимала ни слова – еще не вспомнила человеческую речь.

Вдруг Зимобор оставил ее и обернулся. Она посмотрела в ту же сторону, мимо его плеча.

И увидела в двери Лютомера. Ему пришла пора самому вступить в бой. От него исходили волны силы, и Лютава вдруг перестала кричать. Эта сила плеснула на нее, как вода, и почти привела в порядок: утихла боль, перестала кружиться голова, исчезли мелькающие перед глазами пятна. Лютомер вызвал Велеса: прикоснулся к его силе, сам оставаясь в Яви, и теперь у него был неистощимый источник мощи.

Это почувствовали все, и Зимобор тоже: на его лице появилось растерянное выражение, он поднял руку с мечом, протягивая другую к горящей ветке. Но двигался он так медленно, словно вокруг него была вода. Лютава вдруг осознала, что сама дышит очень-очень медленно. Пожелай она пошевелиться, на малейшее движение ушло бы очень много времени. Быстроту сохранял только Лютомер.

И вдруг на Лютаву повеяло запахом травы молодильника. Он был таким свежим и мощным, будто сейчас конец весны, а она лежит на лесной земле среди бесчисленных листьев-лодочек и белых низок цветков. Но здесь – в овине? Сейчас – зимой?

И чары рухнули с плеч Зимобора, будто ледяные оковы под ударом Перунова пламенного меча. Как проснувшись, смолянский князь решительно бросился навстречу Лютомеру, ловко подставляя обгорелую толстую ветку под удар меча. Своим мечом во второй руке он одновременно сам нанес удар; железо глухо ударилось о щит Лютомера.

Даже среди всего, что ей уже довелось повидать, Лютава не находила ничего подобного. Лежа на земле и медленно дыша, она смотрела, как два человека бьются в почти темном овине – ее брат и... его соперник. Оба двигались одинаково быстро и тем резко отличались от всех прочих – Лютавы, Хвалиса, пленников, смолянского отрока, застывшего с открытым ртом и выпученными глазами. Те двое находились на грани Нави, отделенные от прочих людей присутствием силы. Едва доступные глазу, но почти недоступные пониманию. Лютава одна здесь сознавала: через этих двоих бьются две силы – Велес и... кто-то еще. Тот, чье присутствие они угадывали и раньше.

Для Лютомера мало находилось достойных противников, но смолянский князь был отличным бойцом: сильным, проворным, выученным, а главное, гораздо лучше привыкшим к мечу. Послышался треск и звон железа: под сильным ударом щит в руке Лютомера треснул, во все стороны полетели обломки досок. У него остался только умбон на ручке и обломки. Не растерявшись, Лютомер швырнул эти остатки в лицо Зимобору. На миг тот оказался ослеплен, а Лютомер в то же мгновение нанес ему удар мечом в грудь.

И в этот миг испытал прилив огромного счастья. Он целиком и полностью понимал, что делает: убивает жениха своей сестры, посланного ей духом-покровителем. Больше над ним не будет висеть этот ужас: что однажды она уйдет и будет принадлежать другому мужчине. Нет больше этого другого! Черный волк Радомир не получит нового тела в чреве Лютавы, нового рождения. До самой смерти Лютава будет принадлежать только ему, своему брату.

Как никто другой, Лютомер знал о цене попыток обмануть судьбу. Но готов был платить, сколько спросят. Пусть даже это будет жизнь. Их связь не разорвет даже смерть, и лучше им умчаться обоим в Навь на четырех звериных лапах, чем разлучиться. И там, в Нави, в бесконечной чаще Леса Честного, они навсегда будут вместе, как неразделимые части единого целого...

Все это молнией пронеслось перед ним – ликование победы, осознание цены, решимость и облегчение. Но тут же случилось нечто, чего Лютомер не ожидал и не мог ожидать.

Его удар ушел в пустоту. А там, где только что находился Зимобор, взмыл столп ослепительного белого света. В нем возникла женская фигура – стройная дева с длинными, почти до земли, золотистыми волосами, которые развеивал неземной ветер. От чарующей красоты ее лица захватывало дух, а в груди разливалось блаженство. Это было чувство, будто погружаешь лицо в целый сноп свежих белоснежных цветков ландыша-молодильника, еще усыпанных про-

зрачными, холодными каплями росы; мощный, плотный, как родниковая вода, сладкий запах овеивал и кружил голову. Дева цветов была прекрасна так, что ее красота пронзала грудь острым ножом; где-то рядом мерещилась возможность огромного счастья. Целое море счастья, которого хватит навсегда, осталось лишь сделать шаг... И в то же время она внушала такой ужас своей неодолимой мощью, что смесь этих чувств растворяла слабое человеческое существо, точно река – упавшую каплю пота.

Цветочная дева медленно подняла руки, будто лебединые крылья, и протянула их к Лютому. Лютава почувствовала, что умирает. Если эта живая белая молния причинит зло ее брату, на этом кончится и ее жизнь. Даже на своем полном превратностей пути она впервые настолько ясно ощутила себя стоящей на острейшем лезвии холодного, блестящего клинка. Лишь краткий миг – а дальше либо жизнь, либо конец всему.

Дева сделала некое движение своими белыми руками. Потом обломки щита упали наземь, рядом звякнул меч. На месте Лютомера появился снежно-белый волк; глаза его в свете белой девы сияли яркой травяной зеленью. Та слегка взмахнула пальцами, будто сбрасывала лепесток – и белый волк метнулся наружу. Миг – и лишь пушистый хвост мелькнул в двери и канул во внешнюю тьму.

В тот же миг исчез столп света и белая дева в нем. Навалилась пустота. Лютава уронила голову, не в силах ни шевельнуться, ни поднять веки. Чернота давила, но уже не пугала, а обещала лишь блаженный покой забытья...

* * *

На ночь Зимобор уложил ее вместе с собой. Но посягательств с его стороны Лютава могла не опасаться: он был слишком вымотан двумя сражениями почти подряд, а к тому же к девушке, которая у него на глазах принимала облик волчицы, испытывал не больше желания, чем к настоящему лесному зверю.

Вся смолянская дружина смотрела на нее с ужасом. Когда там, в овине, сам Зимобор попытался поднять Лютаву с земли, она вскрикнула и снова упала: оказалось, что она ранена в ногу под коленом. Зимобор задел ее мечом, и рана вместе с потерей крови вынудила ее вернуться в человеческий облик. И эту боль Лютава осознала только теперь, когда схлынули прочие впечатления.

В овине стоял шум: смоляне кричали: «Обротень!» – а Хвалис вопил: «Убейте ее!» К счастью, Зимобор узнал девушку, с которой беседовал в Селиборле. Видя, что она не может сама идти, он взял ее на руки и унес в избу, где жил сам. И даже самолично перевязал ее рану, к счастью, не тяжелую. А потом уложил спать возле себя, просто чтобы его люди знали: от волчицы их охраняет сам князь.

В отличие от прочих смолян Зимобор испытывал больше любопытства, чем страха. Едва Лютава опомнилась, он стал ее расспрашивать: кто она такая на самом деле, правда ли собиралась убить Хвалиса? Лютава не видела причин запереться: напротив, новому смолянскому князю очень стоило поскорее разобраться, кто здесь кто и что происходит на Угре. Она живо выложила все: про семью Вершины, про Велезору и Замилю, про летние «подвиги» Хвалиса и попытки Замили обратить ему на пользу болезнь Вершины. Утаила она лишь причину и природу отцова нездоровья: о том, что угрянский князь испорчен, знать не следовало никому. Порча на князе ставит под удар все племя, и старший князь имел бы в этом случае право заменить Вершину на кого-то из своих людей.

Но не менее Лютава хотела и сама кое о чем спросить. Перед ней так и стояла белая дева в столбе жемчужного света, овеянная запахом ландыша. Кто это был? Не Марена, это Лютава точно знала. И, пожалуй, не Лада. Это ощущение неоглядного голубого простора, холодной, но не снежной белизны, огромной высоты она помнила по своему единственному путешествию

в Занебесье, где теперь жила со Змеем Летучим ее сестра Молинка. Эта дева, сотканная из цветов и облаков, явно была родом оттуда же.

– Я видела! – сказала Лютава Зимобору, после того как он перевязал ее ногу. – Кто она?

– Молчи! – Зимобор поспешно махнул на нее рукой и выразительно глянул на своих людей.

И Лютава сообразила, что цветочную деву видели, кроме самого Зимобора, только она и Лют. Очам остальных гостя из Занебесья недоступна, и по каким-то причинам Зимобор скрывает дружбу с ней. По каким? Да мало ли?

Ей очень хотелось расспросить его, но она не смела торопить события. В конце концов, угряне напали на старшего князя во время полюдя, а она потом еще пыталась лишить его ценного пленника. Однако Зимобор сердился на нее меньше, чем можно было ожидать, и Лютава старалась приглядеться к нему, не раздражая.

Теперь она смотрела на него другими глазами. Да, он по-прежнему казался ей очень хорош собой, но исходящее от него ощущение бодрости, дружелюбия, здоровья само по себе так привлекало, что достоинства его внешности – широких плеч и буйных русых с рыжиной кудрей, живо блестящих карих глаз под черными бровями – были уже не так важны. Но теперь Лютава знала о его могучем покровителе и невольно искала в Зимоборе не ту прежнюю «звезду во лбу», а жемчужный отсвет Занебесья, который лишь падал на него извне, но не принадлежал ему. Возможно, ее увлечение было внушено этой внешней силой... хотя Лютава не могла отрицать, что Зимобор и сам по себе способен вызвать любовь у какой угодно девицы. Ведь даже на нее, оборотня, волчицу, он смотрел с любопытством и дружелюбием, а не ужасом и ненавистью. Похоже, он был из тех, кто любит всех девок, сколько есть, но по-доброму. А женщин всегда влечет к тому, кто им от души радуется, и тут не нужно красоты, чтобы быть ими любимым.

Он даже не стал ее связывать на ночь, хотя его люди считали, что именно это и следует сделать. Зимобор был храбр, и это тоже в нем нравилось. Он просто обнял ее одной рукой, чтобы знать, что никуда не денется, и заснул мгновенно.

Лютава не спала, обдумывая все случившееся и свое нынешнее положение. Недолго они с Лютом радовались неудаче Хвалиса – вот и она сама попала в плен к смолянам. И не могла представить, чем это кончится. Зимобор знает, что она – старшая дочь Вершины и родная сестра его настоящего наследника. А значит, весьма вероятно, пожелает держать ее в заложниках самое меньшее до конца полюдя. Скорее всего и вовсе увезет ее в Смоленск и оставит там до тех пор, пока между смолянами и угрянами не будет утверждено новое окончание – как всегда при перемене князя. А чаще всего подобных знатных заложниц берут в жены, чтобы не пришлось возвращать и чтобы вечно держать в узде непокорных отцов и братьев...

«У меня есть невеста, – сказал он ей еще в первую их встречу. – Только я не знаю, где она».

«Я здесь!» – мысленно отвечала ему Лютава, глядя в темноту, полную дыханием спящих смолянских отроков и чувствуя тепло обнимающей ее руки.

Впервые в жизни ее обнимал во сне другой мужчина, кроме брата, и от тревожной непривычности этого ощущения Лютава никак не могла расслабиться и заснуть – не помогала даже усталость. Сильнее всего она сейчас хотела очутиться рядом с Лютомером. Впервые она оказалась оторвана от брата и отдана во власть другого мужчины – пусть случайно и ненадолго, как она верила, – и грудь заливала тоска, грозящая удушить. Когда ее минувшей осенью хотели выдать за Бранемера, все было иначе: там брат провожал ее к жениху, и еще до приезда на место она узнала, что выходить за дешнянского князя ей вовсе не надо. Потому и заключение в Ладином подземелье она переносила без большого труда – знала, что это временно, а потом они снова будут с Лютом. Нынешняя же разлука, начавшаяся так внезапно, грозила затянуться надолго и привести к замужеству. Все сходилось одно к одному: обещание Радомира, слова

Зимобора о невесте, положение дел, когда смолянскому князю нужно уладить ссору с угрянами, а дочь их князя уже находится у него в руках. Никак иначе, как примирением через свадьбу, это все и не могло разрешиться. Лют сам себя перехитрил: надеясь избавиться от Хвалиса, толкнул угрян к раздору, который отнимет у него сестру.

Но Лютава не хотела этого! Без брата ей было плохо, как рыбе на суше. Тысячи девок запрыгали бы от радости, если бы им светило стать женой этого веселого плечистого парня и княгиней смолян, то есть верховной жрицей и госпожой всех днепровских кривичей. Но для Лютавы это все означало разрыв с угрянскими лесами и братом, и никакие блага не смогли бы возместить ей эту потерю.

Издалека донесся волчий вой. Лютава встрепенулась: она узнала голос. Ее брат давал ей знать, что он близко и не забыл о ней. Хотелось ответить: я здесь, я жива! Но она понимала: это будет самоубийство. У каждого из спящих в этой избе под рукой топор – и у Зимобора тоже. Поддай она голос по-волчьи – все эти десять отроков немедленно вскочат и разом вдарят по источнику звука. Даже не пытайся поглядеть, человек там или волк...

Надо постараться заснуть. Неизвестно, что будет завтра, но силы ей понадобятся. Лютава закрыла глаза.

Ровное дыхание Зимобора щекотало ей шею. Но что-то было не так... Запах чужого человека вместо родного Лютомерова тревожил ее и отгонял сон. Неужели дальше так будет всегда?

Но ведь это переживает каждая девка! Не зря невесту одевают в смертную сряду и прощаются с ней, как с умершей, – выходя замуж, каждая переживает разрыв со своим родом и вырастает в чужой. Получается по-всякому – у кого как. И неужели она, Лютава, дочь Велезоры, умеющая ходить в Навь и договариваться с ее темными обитателями, не справится с тем, с чем худо-бедно справляется любая Милушка и Добрушка – все простые девки, что хихикают на павечерницах, без конца обсуждая, «как он на меня посмотрел»?

Вдруг Лютава осознала, что именно не так. От Зимобора пахло совершенно не так, как положено пахнуть от мужчины в походе, – дымом, лесом, конем, влажной шерстью и кожей, потом. Нет, живой человеческий запах его тела она тоже ощущала, но поверх него стелился бледно-зеленой сенью другой – травяной, растительный. Запах засушенной травы молодильника. Даже вспомнилась клеть на Волчьем острове, где они с бабой Темяной сушили и хранили целебные травы. Молодильником лечат боль в груди и слабость сердца. Но уж на человека с больным сердцем Зимобор не походил – про таких, как он, говорят «кровь с молоком».

Молодильником веяло от белой девы в луче небесного света. Этот запах – знак его покровительницы. Перед глазами Лютавы вновь встала цветочная дева – белая и сияющая, как облака, облитые солнечным светом. Влекущая, сулящая счастье – и внушающая ужас...

Запах ландыша беспокоил, томил, волновал. Лютаву пробрала дрожь. В животе ощущалась пустота, по телу растекалось томление, отдававшее лихорадочной жаждой. Лютава даже испугалась: и природы этого чувства, и его силы. Она знала его – нередко она испытывала его, и это была одна из главных трудностей ее жизни. Оно было неотделимой частью ее любви к Лютомеру, но она знала, до каких пределов ему можно давать волю. А сейчас это влечение впервые было направлено на чужого мужчину – того, что обнимал ее сейчас.

Цветочный дух усиливался – теперь это было веяние свежих весенних цветов, что сияют жемчужинами среди зелени мха и своих листьев-лодочек. Лютава широко распахнула глаза, ожидая увидеть столп белого света – но видела лишь тьму спящей избы. Однако чувство близости иного не отступало. Она вновь смежила веки – и тогда увидела.

Сияющая облачная белизна была рядом – и вокруг нее. Лютаву охватывало кольцо жемчужного света, оведало свежим духом цветущего ландыша, будто прохладной водой. Этот запах рождал в теле томление, сулящее близкое блаженство – и властно толкающее к мужчине у нее за спиной.

Но в то же время это чувство было чем-то вроде чужой сорочки, надетой на душу. Лютава ясно понимала: все это внешнее, постороннее. Рядом была совсем иная сущность, могучее существо, которое пыталось войти в нее и слиться с ней. Вернее, влить в себя, растворить в себе и заставить служить себе, поскольку силой это существо неизмеримо ее превосходило. Она ощущала это так же ясно, как любой человек ощутил бы объятия медведя.

Имеющая опыт в обращении с духами, Лютава попыталась закрыться – но ее защита была мгновенно снесена. Она заворочалась, пытаясь выбраться из объятий Зимобора, встать и отойти; даже не вспомнила про раненую ногу, пока под коленом не вспыхнула резкая боль.

От ее движения Зимобор очнулся, стиснул ее и развернул к себе.

– Куда...

– Пусти... – сдавленно прошипела Лютава; она упиралась руками в его грудь, и при этом ее разрывало желание прижаться к нему, обвить руками его шею...

Зимобор обнял ее и наклонился над ней; она ясно ощутила, что он так же сильно возбужден, хотя, кажется, не вполне еще проснулся. Остаток ее собственного существа пришел в ужас: вот сейчас все и случится, она будет принуждена отдаться чужому мужчине, отцу ее будущего сына – Радомира...

А то, постороннее, существо ликовало в предвидении близкой победы и весело смеялось, убеждая: все прочее неважно, бояться нечего, главное в жизни – любить! Нынешний миг – важнее всей остальной жизни, ибо в нем – труд божества. Чужая любовь и влечение потоком молока и меда текли через душу и тело Лютавы, смывая остатки ее памяти о самой себе. Она больше не могла противиться; сила этой страсти сделала ее слабой, тянула покориться, расслабиться и раскрыться ему навстречу...

– Дивина! – изумленно, но и обрадованно охнул Зимобор. – Ты, лада моя...

Она лишь мельком отметила, что он называет ее каким-то другим именем, а голос его звенит восторгом и любовью.

Как вдруг рядом послышалось грозное рычание. Это было как туча, враз накрывшая солнце; сияние угасло, кипение в крови утихло. На облако жемчужного света, висевшее перед закрытыми глазами Лютавы, упала густая тень. Чары не разрушились совсем, но ослабли; Лютаву еще била дрожь от нетерпеливого, жгучего желания, но она уже вспомнила, кто она, где и с кем. И снова осознала, что это влечение – не ее собственное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.